

Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшею.

До 1386 г. во внутренней жизни литовско-русскаго государства не замѣчалось рѣзкаго разлада двухъ національныхъ началъ, литовскаго и русскаго, объединенныхъ въ этомъ государствѣ. Напротивъ, дружный союзъ обѣихъ народностей составлялъ силу юнаго государства въ борьбѣ его съ вѣшними врагами. Литовское племя придавало молодому государственному организму завоевательную энергію, выносило преимущественно на своихъ плечахъ борьбу за независимость противъ напора нѣмцевъ и вдохновляло къ ней; русская народность подкрѣпляла литовцевъ матеріально и принесла имъ культуру, отличную отъ той, которую пытались навязать нѣмцы. Постепенно проникала въ литовско-русское государство и западная культура, развившаяся въ католическомъ мірѣ, но вліяніе этого начала было сравнительно слабѣе, между прочимъ—потому, что ближайшими представителями его были рыцари нѣмецкаго ордена, которыхъ литовцы признавали своими страшнѣйшими врагами. Литовцы могли поучиться у нѣмцевъ болѣе всего военному искусству. Нѣмецкій орденъ достигъ значительныхъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ, и литовцы немало переняли у него въ военномъ дѣлѣ и во всемъ, что тѣсно вязалось съ этимъ дѣломъ, напр. въ постройкѣ и укрѣпленіи городовъ ¹⁾. Въ ряды орденскаго ополченія изъ года въ годъ являлось отборное рыцарство изъ всѣхъ почти странъ Запада. Крупные походы нѣмцевъ въ Литву сопровождались турнирами и военными увеселеніями, и война съ тевтонскимъ орденомъ была для Литвы одновременно и школой

---

¹⁾ Stadnicki, Olgierd i Kiejstut, стр. 69, прим. 150.

рыцарства. Черезъ нѣмцевъ рыцарскій идеаль того времени былъ воспринять до извѣстной степени и литовцами, и въ Литвѣ являлись личности, полныя рыцарскаго духа, какою былъ, напр., Кейстуть, которому отдавали честь въ этомъ отношеніи даже крестоносцы ¹⁾. На распространеніе въ Литвѣ западной культуры могли вліять въ нѣкоторой степени и мирныя сношенія съ нѣмцами и преимущественно съ нѣмецкими прибалтійскими городами, въ которыхъ (напр. въ Ригѣ) у литовцевъ было немало пріятелей. Наконецъ, не оставалось безъ слѣда пребываніе въ Литвѣ значительнаго количества плѣнныхъ христіанъ ²⁾ и житье нѣкоторыхъ литовцевъ у крестоносцевъ въ качествѣ заложниковъ, перебѣжчиковъ или плѣнныхъ. Учителемъ сыновей Гедмина былъ нѣмецъ, пробывшій въ Литвѣ 9 лѣтъ; Витовтъ также учился у нѣмца. Иной разъ нѣмцы сами уходили въ Литву и могли оказывать литвинамъ важныя услуги ³⁾. Второю сосѣдкою Литвы, могшею посредствовать въ передачѣ западной культуры, была Польша, но вліяніе ея было еще слабѣе, чѣмъ воздѣйствіе нѣмцевъ.

Вообще до 1386 г. западная образованность не имѣла особенной силы въ жизни литовско-русскаго государства. Въ то время распространеніе той или иной культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа, а католичество въ представленіяхъ литовцевъ было отождествляемо съ враждебнымъ началомъ. Съ половины XIII в. папы зорко наблюдали за Литвой и не переставали хлопотать объ обращеніи ея въ католичество, но старанія эти не увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ: въ католичество обращались немногіе, и въ XIII-мъ столѣтіи, хотя обращенія начались съ 40-хъ годовъ того вѣка, въ Литвѣ было весьма мало католиковъ ⁴⁾. До какой степени литовцы

¹⁾ Ibid., 11—12, 70, 84. У В. Б. Антоновича (стр. 105—109) находимъ весьма отчетливую и яркую характеристику Кейстута.

²⁾ Петръ Дусбургскій постоянно говоритъ въ своей хроникѣ объ уводѣ пруссами плѣнныхъ „in servitutum perpetuam“. Script. rer. Prussic. I, 34, 121 и 124 и др. Длугошъ (I, 811) упоминаетъ подъ 1277 г. объ уводѣ литовцами 40000 плѣнныхъ. За Альдоной, дочерью Гедмина, вышедшею въ замужество за Казимира, сына Локетка, возвратилось въ отечество 24000 плѣнныхъ поляковъ.—Иногда происходило сближеніе съ плѣнными нѣмцами. Dusb., 142.

³⁾ Cod. epist. Vit., App. № IV, p. 978.

⁴⁾ Ср. у Sjögren'a: Ueb. d. Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen (Mém. de l'Acad. de sciences, VI série, t. IX), S. 297, прим. 462.

были нерасположены къ крещенію по католическому обряду, видно, между прочимъ, изъ того, что въ началѣ XIV-го стол. обращеніе одного литовца въ католичество было привѣтствовано поэмою ¹⁾. Католичество пыталось проникнуть въ Литву съ юго-запада, откуда шли главные враги литовскаго племени, и отъ того многіе литовцы относились къ католичеству даже съ ненавистью ²⁾. Внутри литовско-русскаго государства нетерпимость могла проявляться лишь изрѣдка, и до принятія литовскими князьями католической вѣры въ земляхъ ихъ господствовала равноправность исповѣданій и народностей. Девизомъ великихъ князей литовскихъ до Ягайла были какъ бы слова Гедимины (1324 г.) въ отвѣтъ папскимъ посланцѣмъ, явившимся крестить его въ католичество: „я не препятствую христіанамъ чтить своего Бога по обычаю ихъ, по ихъ обряду, русскимъ по ихъ обряду, а полякамъ по своему, мы же почитаемъ Бога по нашему обряду; *у всѣхъ насъ одинъ Богъ*“ ³⁾. Такимъ образомъ, до конца XIV в. верховные литовскіе государи слѣдовали принципу свободы совѣсти, который не господствовалъ въ то время въ такой мѣрѣ ни въ какой другой странѣ Запады ⁴⁾. Повсюду, за исключеніемъ западно-русскихъ и литовско-русскихъ земель, религія оказывала весьма сильное вліяніе на государственную политику и рѣдко государственныя цѣли были рѣзко отграничиваемы отъ области вѣры; очень часто вѣра являлась прикрытіемъ вопіющихъ не-

¹⁾ Ein schoen und anmuethig Gedicht, wie der Littower wunderbarlich bekert wart, vor mer den fuenfhundert Jaren durch Bruoder Hugen von Langenstein gepracht—ans Liecht gestellt durch meister Seppen von Eppishusen (т. е. Frh. Jos. v. Lassberg) einen fahrenden Schueler. Constanz 1826. 2-е изд. — Schwäb. Hall.

²⁾ См. извѣстіе о разрушеніи францисканскаго монастыря въ Вильнѣ въ 1368 г. Жалоба жмудиновъ на нѣмецкій орденъ, поданная Констанцкому собору (Cod. ep. Vit., App. № VI, p. 1018 seqq.), выясняетъ причины отвращенія литовцевъ къ католичеству.

³⁾ Подробно о переговорахъ Гедимины съ папою см. въ ст. В. Г. Васильевскаго: „Обращеніе Гедимины въ католичество“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, № 2; статья эта представляетъ переработку статьи: „Письма Гедимины и католическое посольство въ Вильнѣ“, помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1869, №№ 62, 63, 67, 73, 77 и 78); ср. также у В. Б. Антоновича (стр. 72—78), который объясняетъ иначе ходъ дѣла.

⁴⁾ Такой принципъ провозглашали нѣкоторые вольнодумцы на востокѣ уже въ XI в. и еще ранѣе нѣкоторые отцы церкви.

справедливостей и поводомъ къ раздорамъ ¹⁾). Извѣстно, къ какимъ жестокостямъ приводила религіозная борьба на Западѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда съ такимъ трудомъ развивалась идея о свободѣ совѣсти. Въ литовско-русскомъ государствѣ пришлось жить совмѣстно послѣдователямъ двухъ религій, а со второй половины XIV в.—трехъ. Ихъ раздѣляло, сверхъ религіознаго, племенное различіе, и, тѣмъ не менѣе, мы не видимъ борьбы религій, насильственной пропаганды, несправедливости въ силу различія вѣроисповѣданій. Западная Русь прсмотрѣлась издавна къ Западу и не питала къ нему вражды, не платила ему злобой за ту неприязнь, которую встрѣчала постоянно со стороны фанатическаго католичества ²⁾). Великіе князья литовскіе усвоили, по исполнѣнн справедливой догадкѣ В. Г. Васильевскаго, тоже народное возрѣніе православной Руси ³⁾, а иногда шли, быть можетъ, и далѣе, возвышались не только до полной вѣротерпимости, но и до признанія одинаковаго значенія за обоими христіанскими вѣроисповѣданіями ⁴⁾). Какъ бы то ни было, всѣ великіе

¹⁾ См., напр., Dammann, Kulturkämpfe in Alt-England, 2 Th., Leipz. 1883, гдѣ охарактеризована культурная борьба въ средневѣковой Англии, порожденная притязаніями католичества на исключительное господство.

²⁾ Объ отношеніи этого послѣдняго къ греко-славянскому міру см. въ статьѣ В. И. Ламанскаго: „Видные дѣятели Западно-Славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ“, помѣщенной въ I-мъ т. „Славянскаго сборника“ (Спб. 1875). Дополненіемъ къ этой статьѣ могутъ служить доказательства, собранныя въ ст. Т. Д. Флоринскаго: „Политическая и культурная борьба на греческомъ востокѣ въ первой половинѣ XIV вѣка“ (Унив. Изв. 1883, №№ 2, 3 и 9, и отдѣльный оттискъ).

³⁾ „Въ этихъ словахъ... слышатся отголоски намъ знакомые хотя и непонятные для представителей западнаго христіанства“... „Я готовъ признавать папу отцомъ, потому что онъ—старше меня“. Слова Гедимина съ приведеніемъ такой причины не подтверждали того, что было написано въ его грамотахъ. Они проникнуты тѣмъ же духомъ, какой слышится въ словахъ епископа Полоцкаго Іакова, называющаго и Рижскихъ ратмановъ, и князя Витена, и Полочанъ дѣтми своими, а митрополита отцомъ, или какой чувствуется въ рѣчахъ другихъ князей литовскихъ, усвоившихъ религіозныя и особенно народныя возрѣнія епископа Полоцкаго“. Ж. М. Н. Пр. 1872, № 2, стр. 186.

⁴⁾ Оттуда-то, быть можетъ, легкость, съ какою Витовтъ переходилъ

князья литовскіе до Михаила Кейстутовича, за исключеніемъ Ягайла со времени обращенія его въ католичество, старались обходить затрудненія, могшія возникнуть изъ разности вѣръ, и отдѣляли интересы государства отъ интересовъ личнаго религіознаго исповѣданія ¹⁾. Литовскіе государи относились терпимо ко всѣмъ. Въ такой особенноти внутренней жизни литовско-русскаго княжества, въ разумномъ взглядѣ князей на интересы разпопленного и разновѣрнаго государства, въ частности въ выдававшемся совершенно естественно, безъ внѣшняго насилія, положеніи русскои народности, въ ея культурномъ вліяніи и готовности литовцевъ поддаваться этому вліянію, въ отсутствіи неприязненнаго отношенія къ русскои народности, какъ къ *иноверному* племени, заключалась, какъ было уже сказано прежде, тайна силы и успѣховъ литовско русскаго государства въ борьбѣ его съ сосѣдями и въ собираніи русскнхъ земель до XV в.

Равноправность народностей, вошедшихъ въ составъ литовско-русскаго государства, была главнымъ условіемъ прочности начавшаго недавно слагаться государства. Она дѣлала возможнымъ взаимное свободное сближеніе, и до 1386 г. литовское племя шло довольно быстро по пути рѣшительнаго сближенія съ русскими. Это было совершенно естественно: русское племя занимало $\frac{9}{10}$ земель поваго государства и сверхъ того русская колонизація проникала и въ собственно литовскія земли. Даже главная столица Литвы Вильна была населена по преимуществу русскими ²⁾. Князья ³⁾ и литовскіе бояре,

изъ одного исповѣданія въ другое, и отсутствіе фанатизма въ его дѣйствіяхъ послѣ окончательнаго принятія католичества, чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ Ягайла.

¹⁾ Гедеминъ не препятствовалъ крещенію своего семейства, Ольгердъ и самъ крестился, но въ тоже время они не порывали круто со старой народнои вѣрой и не подавляли стараго культа, предоставляя христіанству торжествовать собственными силами.

²⁾ Доказательства см. у В. Г. Васильевскаго: „Очеркъ исторіи города Вильны“ („Памятники Русскои старины въ Западныхъ губерніяхъ имперіи, изд. по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, вып. V, Вильна, текстъ къ 18 рисункамъ“, Петерб. 1872), стр. 10—11. Еще при Гваньини въ Вильнѣ русскіе составляли половину населенія.

³⁾ О томъ, что Ягайло былъ крещенъ до 1386 г. по православному обряду, см. Нарбутта *Pomniejsze pisma historyczne*, 89—100.

за исключеніемъ жмудскихъ, видимо подпали русскому вліянію, что сказывалось ярче всего въ принятіи многими православной вѣры. Упорнѣ держались старинны литовскія народныя массы, но и онѣ не остались чужды русскаго вліянія, живя въ перемежку или постоянно сопривасаясь съ русскими, отъ которыхъ могли многое заимствовать. Повидимому, въ концѣ XIV в. было уже немало русскихъ въ коренной Литвѣ: во все время своего царствованія Ягайло окрестилъ въ католическую вѣру не болѣе 30000 литовцевъ ¹⁾. Для католической проповѣди болѣе или менѣе удобнымъ мѣстомъ являлась только Жмудь, которая до времени Витовта оставалась самою дикою областью Литвы и въ особенности дорожила своей свободой и стариной ²⁾. Старина могла держаться здѣсь дольше благодаря малодоступности этой области ³⁾. Въ Жмуди большинство кореннаго литовскаго населенія исповѣдывало, можно думать, православіе. Сохранилось извѣстіе, что и послѣ 1386 г. литовцы переходили въ православіе. По словамъ Энея Сильвія ⁴⁾ и францисканской рукописи, между литовскими боярами было много православныхъ или открыто сочувствовавшихъ православной вѣрѣ. Въ глубинѣ Литвы православныя приходы существовали еще въ первой половинѣ XVI вѣка ⁵⁾. Въ этомъ столѣтіи Киевскій митрополитъ Іона II обратилъ въ православіе многихъ литвиновъ католиковъ, въ томъ числѣ князей и пановъ ⁶⁾. Вообще вліяніе русской культуры

¹⁾ Strykowski, II, 79. Szajnocha, Jadwiga i Jagiełło, III (we Lwowie 1861), 188 и 366.—Во время обращенія литовцевъ въ католичество крестились и нѣкоторые жмудины, но таковыхъ было, повидимому, немного. Cod. ep. Vitoldi, App. № VI, p. 1018.

²⁾ Cod. ep. Vit., p. 1019.

³⁾ Дороги въ Жмуди были весьма плохи, а лѣса были трудно проходимы или даже непроходимы. Ib. 1022. Жмудь отличалась отъ остальной Литвы характеромъ населенія, и едвали не изворачивался Витовтъ, когда писалъ: „....in titulo nostro nos de Samagicia non scribimus, quia totum unum est (съ Литвою), terra una et homines uni“ (Cod. ep., № DCCCLXI, p. 467).

⁴⁾ Эней Сильвій говоритъ, между прочимъ, что въ Литвѣ было много православныхъ и много идолопоклонниковъ.

⁵⁾ Narbutt IV, 285. Арх. Леонида „Библиограф. замѣтка о служебникахъ Виленской печати XVI вѣка“ (Памятн. древн. письм. 1881, IX).

⁶⁾ Такіе случаи были не рѣдкость. Такъ, суда по указанію королевской привиллегіи начала XVI в., обращеніе литвиновъ и ляховъ въ православіе бывало въ Витебскѣ.

было сильно до конца самостоятельнаго существованія литовско-русскаго государства ¹⁾). Можно бы привести немало свидѣтельствъ о гро-

¹⁾ Это вліяніе испытывали на себѣ въ значительной степени и польскіе короли изъ дома Ягайла. Любопытно, что слѣды такого вліянія уцѣлѣли до настоящаго времени въ самомъ Краковѣ. Какъ извѣстно, въ Ягеллонской часовнѣ въ Краковскомъ кафедральномъ костелѣ на Вавелѣ (о ней см. N. v. Navarski, Die Jagellonen-Kapelle am Dome zu Krakau, besprochen v. K. Lind. Wien 1878) есть русская надпись времени Казимира Ягайловича о времени сооруженія этой каплицы. Надпись эта была напечатана въ XVI стол. Сарницкимъ въ его Annales. О ней упомянулъ, далѣе, Зубрицкій со словъ Сарницкаго въ своей „Критико-исторической повѣсти временныхъ лѣтъ Червоной Руси“, М. 1845, стр. 31—35. Г. Крыжановскій въ статьѣ своей „Славянскій Краковъ“ („Древности, труды Московскаго Археологическаго Общества“, т. VI, вып. II, М. 1876“, стр. 132—133) напечаталъ надпись, по его словамъ,—такъ, какъ прочелъ ее, и нельзя сказать, чтобы его списокъ былъ вѣренъ. Взялись нѣкоторыя ошибки и въ болѣе исправный текстъ надписи, приведенный въ брошюрѣ С. Т. Голубева: „О первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г.“, Кіевъ 1884, стр. 10. Такъ какъ надпись въ каплицѣ св. Креста представляетъ довольно интересный памятникъ русскаго письма, то мы сочли не лишнимъ помѣстить здѣсь текстъ ея въ томъ видѣ, какой она имѣла до реставрированія. Точный снимокъ съ надписи до исправленія ея былъ сообщенъ намъ въ Краковѣ профессоромъ Ягеллонскаго университета и Консерваторомъ древностей западной Галиціи Лэпковскимъ, которому считаемъ приятнымъ долгомъ выразить нашу признательность. Снимокъ былъ сдѣланъ съ надписи въ естественную ея величину на полотнѣ и носить подпись: „Napis w kaplicy jagiellońskiej (Stokrzyńskiej) na Wawelu, zdjęty w r. 1870 przed jej restauracją. Kalkował Ludwik Żepkowski. Miejsce przerwane zasłonięto narożnikiem gżemsu pomnika Władysława Jagiełły. W r. 1871 uzupełnione nieco, wtedy gdy pomnik odnawiano“. Вотъ какъ читается надпись въ этомъ снимкѣ (она состоитъ изъ четырехъ строкъ; мы раздѣлимъ ихъ для ясности черточками, а вязъ раскроемъ): **ѠГОІЪКО-**
ЛЕИИЕМЪ. М҃ДРѢТЮ. Б҃ГѠЦѢЛЕСЕМОУШАГО. ПОПИСАМА БЫСТЬ СНИ КАПИИ..... ЕМЪ. КЕЛИ-
КОДЕРЖАКНОГО. КОРОЛА ПРЕСКЕТАЛО. К || АЗИМИРА. ЗДѢЖЬЕІ. МѢТИ. КОРОЛА. ПОЛЬСКОГО. ІКАНИ-
КѠГО КИЗИ. ЛИТОВСКОГО. ІРУСЬКѠ.....ГО. ІКИЖТИ. ПРСКАГО ПЛАИ. ІДЕДУА. ІИМЪ.
МНОГИХЪ || ЗЕМЛѠСПОДАРИ. ІЕГО КОРОЛЕКѠ. ПРѢМЛАСИТШЕІ. ПЛАНЕІ. ЁЛИЗБЕТЫ. ІС ПОКѠЛЕНІА.
ЦѢ.....ЪСКАГО. КНОУКА. ПРѢМЛЕСЗКНТЕЖИЕІШЕГО. ЧЕСАРІ. ЖИ || КНИМѠИТА. ПАИАЗѠМНИ.
РАКЪСЬСКОЕ. ІУЕСЬСКОЕ. КІОРЬСКОЕ. ПѢ ЛЪТЫ. ПАРЖЕМЪИ. ЕЖЬЕГО. РѢ. ЛЪТЪ. К. ІІ О. ЛЪТЪ
ДО. КОМЪЦАЛИШНЮ. КАПИЦЮПИС-МО. МѢДА ОКТІВРА. ВЪ. НѢСКОЛЬКО ИНАЧЕ ЧИТАЕТСЯ
надпись въ письмѣ О. А. С. Петрушевича отъ 10 мая 1870 г. „do zarządu

мадныхъ успѣхахъ русской народности въ Литвѣ и о тѣсной связи и слияніи Литвы съ Русью, но мы оставляемъ въ сторонѣ эти данныя за общезвѣстностью ихъ ¹⁾. Время не замедлило бы довершить

Biblioteki XX. Czartoryskich w Sieniawie²⁾, копія котораго также была намъ сообщена проф. Лэпковскимъ. Вотъ какъ читалъ и дополнялъ О. Петрушевичъ присланный ему снимокъ: „Бл̄гоуколеніемъ. мѹдрѹтѹю. бл̄г̄ ѿца всемоуцѹщаго. пописана бысть снѹ капл̄и(ца) повеленіемъ). великодержавнаго. (корол)а. и || азимира. за б̄ж̄ей. м̄ати короля. польского. і великого кн̄зи. литовского і рѹсько(го зомойтско)го. і кн̄жтн. прѹскаго пана. і деднѹа. і нн̄ӣ многихъ || земль г̄осподаря. ӣ ёго королев̄оѹ. прнзюскн̄ӣшен̄. плмен̄. ёлизветы. ис поколенья це(сар)ьскаго. вн̄чка. премнезентн̄жн̄ешего. цесаря. жн̄ || кн̄м̄онта. пана з̄емли ракъськоѹ. а уеськоѹ. ёгорьскої. п̄о. лѹты. мароженья. ёжьего. а̄. лѹть (.ж̄. тысяци. а) докончани снѹ каплицѹ писм̄о. м̄ѹа. въ (к̄ӣ день)“.

Отсутствовавшія въ 1870 г. слова дополнены г. Петрушевичемъ на основаніи текста Сарницкаго. Съ этими дополненіями, принимая во вниманіе снимокъ 1870 г., нельзя согласиться, въ особенности съ восстановленіемъ даты, которой, впрочемъ, повидимому не было въ присланномъ г. Петрушевичу спискѣ („która w nadesłanej mi podobiznie wspomnianego napisu już nie znachodzi się“) за исключеніемъ обозначенія тысячи. Текстъ надписи у Сарницкаго обличаетъ весьма плохое знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ того, кто списалъ надпись. Вотъ что читаемъ у Сарницкаго подъ 1492 г. послѣ упоминанія о смерти Казимира: „Inde in Polonia solenni pompa elatus in basilica Cracoviensi sepultus est ad dextram in sacello sanctae Crucis, ubi et Elizabeth uxor Cazimiri ab Alexandro sepulta fuit. Extatque ibidem epitaphium eius, vel potius delubri eius inscriptio characteribus Slauonicis: *Kuchwale imienia najwysszoh Bohá oycá wczetohussczoh, pobudowankósciolý sieiá kápliacá, powielenim wielikoh á prestawnoh Korolá, proswietnoh Kazimiráz Boskoy miłosti Polskoho y wielikoh Kniázia Litowskoho, Trockoho, y Zomoitskoho, y Kniáziatia Pruskoho, Pána y dedyczá tych y inych mno ho ziem Hospodará. y ieho korolowey pronaiásnieyssey pániey Elizábety z pokolenia Czárskoho prodká prenáiásnieyssoh Zy gmiontá Pánáziemie Rákuskoj, Czeskoj, y Vhorskoj. Poletu ná rozenia Božoh pierwssoh, siedmđziésiatoh tysiacnoh, á dokonczáli sieiá kápliacá Miešidca Octob. 12. dniá“.* Лейпцигское изд. Длугоша, т. II, 1712, col. 1186. Мы думаемъ, что годъ даты надписи прочитанъ у Сарницкаго совершенно ошибочно и что слѣдуетъ читать эту дату такъ: „под лѹты мароженья. ёжьего. а̄. лѹть. ѿ.и ѿ. лѹть“; надпись относится, слѣдов., къ 1470 г.

¹⁾ См. Бѣляева Разказы изъ р. исторіи, кн. IV; цитов. выше книгу Боричевскаго, статью „Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ“ въ „Вѣст-

свободное культурное слияніе народностей, и кто знаетъ, откуда пошло бы тогда окончательное объединеніе Руси? Во всякомъ случаѣ, Литва представляла бы собою весьма опасную соперницу Москвы.

Это вполнѣ правильное теченіе литовской исторіи было вдругъ прервано въ концѣ XIV-го столѣтія, когда начался новый періодъ въ исторіи литовско-русскаго государства, періодъ постепенной подготовки къ полному соединенію съ Польшей и уничтоженію самостоятельности Литвы путемъ разрушенія прежнихъ основныхъ началъ ея жизни, періодъ агоніи, продолжавшіяся около двухъ вѣковъ. Съ подчиненіемъ Литвы польской политикѣ и внушеніямъ католическаго фанатизма началось вторженіе новыхъ началъ жизни и оттѣсненіе прежнихъ.

Борьба съ нѣмцами и враждебность католическаго Запада уже не разъ наводили литовскихъ князей на мысль о прекращеніи вражды сосѣдей посредствомъ принятія католичества. Въ XIII стол. къ этой мѣрѣ обратился Миндове. Въ XIV в. видимъ цѣлый рядъ обѣщаній литовскихъ князей креститься въ католическую вѣру. Гедеминъ, Ольгердъ и Кейстутъ смутили нѣсколько разъ папу и католическій міръ нарушеніемъ такихъ обѣщаній. Ихъ увѣренія остались лишь словами, а равно не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго въ 1382 г., и Ягайло. Выгоды, какія могло доставить принятіе католичества, не соотвѣтствовали неудобствамъ, которыя могли возникнуть изъ того, въ особенности въ виду нерасположенія къ католичеству большинства литовскаго и всего русскаго населенія литовско-русскаго государства ¹⁾. Католичество могло рассчитывать на успѣхъ въ Литвѣ только въ томъ

никѣ югозападной и западной Россіи“, годъ I, №№ 1—6 (критика на эту статью въ „Основѣ“ 1862 г. не совсѣмъ справедлива). Научнѣе и обильнѣе содержаніемъ статьи проф. Первольфа подъ заглавіемъ „Poláci a Rusíni“, помѣщенный въ чешскомъ журналѣ „Osvěta“ 1881, №№ 4, 6, 7, 9, 11 (начало въ №№ 1—2). Въ своемъ почти безпристрастномъ очеркѣ г. Первольфъ имѣлъ въ виду прослѣдить преимущественно вліяніе польской культуры на русскую и литовско-русскую и ополяченіе высшаго западнорусскаго общества.

¹⁾ Сохранилось извѣстіе, что Гедеминъ былъ отклоненъ отъ своего намѣренія принять католичество литвинами и русскими: жмудскіе бояре и Русскіе „*verba minatoria habuerunt contra eum*“.

случаѣ, еслибы ему удалось найти опору помимо большинства населенія, хотя бы извѣѣ, лишь бы не въ нѣмцахъ.

Такая опора для литовскаго католичества явилась въ Польшѣ и въ поборникахъ униі съ нею послѣ того, какъ Ягайло, увлекшись польскимъ предложеніемъ и выгодами, которыя сулило ему принятіе католичества, измѣнилъ православію и вступилъ на польскій престолъ. Въ поведеніи Ягайла повторился расчетъ, подъ вліяніемъ котораго литовско-русскіе князья нерѣдко мѣняли свое религиозное исповѣданіе.

14 августа 1385 г. Ягайло подписалъ въ Кривѣ первое общаіе униі съ Польшею и обязательство возвратитъ Польшѣ отнятыя кѣмъ-либо у нея земли, присоединитъ къ ней литовско-русскія и бреститъ своихъ братьевъ, родственниковъ, бояръ и землян¹⁾. Въ томъ же году униа съ Литвою была обѣщана въ Польшѣ отъ имени Ягайла Скиргайломъ. Униа Литвы съ Польшею, объявленная сначала лишь польской радѣ и затѣмъ провозглашенная въ 1387 г., была формально подтверждена при Витовтѣ въ 1401 г. Вступивъ на польскій престолъ, Ягайло постарался взять съ братьевъ и другихъ литовскихъ князей письменныя обѣщанія покорности польской коронѣ²⁾. Равнымъ образомъ, и подольская шляхта дала подписку быть вѣрною Ягайлу, а послѣ его смерти—его преемнику. Въ началѣ XV в. были вновь взяты подобныя обязательства отъ литовскихъ князей. Унию, которая первоначально была выговорена на время правленія Ягайла, было постановлено потомъ (на съѣздѣ въ Городлѣ въ 1413 г.) продолжитъ и на будущее время—по смерти Ягайла и Витовта. Затѣмъ униа была еще разъ закрѣплена въ 1501 г.

Необходимость частыхъ подтвержденій и письменныхъ закрѣпленій показываетъ, какъ нелегко прививалась эта идея въ литовско-русскомъ государствѣ, какъ трудно было послѣднему свыкнуться съ мыслью объ униі. Для правильнаго и безпристрастнаго пониманія исторіи Литвы необходимо имѣть въ виду эту постепенность въ развитіи идеи униі и отрѣшиться отъ внесенія въ исторію XIV и XV вв. той формулировки этой идеи, какая явилась лишь въ половинѣ XVI в.

¹⁾ Свѣдѣніе объ этомъ знаменитомъ документѣ см. у Дудика: *Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien*, Wien 1867, стр. 42.

²⁾ Сохранился цѣлый рядъ такихъ обязательствъ литовскихъ князей.

Принимая унію, литвины не имѣли въ виду совершеннаго соединенія съ Польшею и даже еще въ Литовскомъ статутѣ 1529 г. Польша была названа наравнѣ съ Мазовіею чуждою землею въ отношеніи къ Литвѣ. Поляки считались въ Литвѣ чужеземцами до половины XVI в., и таковы были взгляды большинства литовско-русскаго населенія. Отъ взглядовъ этого большинства надо отличать стремленія поляковъ, которыя были раздѣляемы литовскими государями, боявшимися потерять польскій тронъ, и нѣсколькими литвинами, поддавшимися польскому вліянію. Сторонники польской политики и тѣ, которые не имѣли силы воли противостоять ей, имѣли въ виду унію другого рода, болѣе полную.—Такое раздвоеніе совершенно понятно. Нечего и говорить, что унія была вполнѣ выгодна для Польши, удерживая Литву на поводьяхъ польской политики, доставляя Польшѣ возможность земельныхъ захватовъ въ предѣлахъ русскаго племени и расширенія панскихъ владѣній, но спрашивается, согласовалась ли унія съ интересами литовско-русскаго государства, придавала ли крѣпость послѣднему? Не могло бы быть никакого спора о выгодѣ уніи съ Польшею для литовско-русскаго государства, еслибы послѣднее представляло изъ себя цѣльную этнографическую особь, не выработавшую еще оригинальной и самобытной культуры и обнаруживавшую сознательно или безсознательно полную готовность поддаться польской культурѣ. Литовско-русское государство, которое хотѣли присоединить къ Польшѣ, связать съ нею нераздѣльнымъ и вѣчнымъ союзомъ, находилось въ иныхъ условіяхъ. Русская народность господствовала въ немъ не только численно, но и силою культурнаго, умственнаго и нравственнаго превосходства. Культура западной половины русскаго племени была нисколько не ниже польской ¹⁾, а нѣкоторыя особен-

¹⁾ Для времени до-татарскаго это положеніе доказываетъ И. А. Линниченко в своей монографіи „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, ч. I, Кіевъ 1884, стр. 193 и сл. Укажемъ затѣмъ на блестящее развитіе культуры въ югозападной Руси во 2-й половинѣ XIII в. и въ 1-й XIV, о чемъ подробно скажемъ въ иномъ мѣстѣ. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская издавна сносились съ западомъ самостоятельно, помимо Польши. Гуманизмъ въ послѣдней началъ подворяться довольно поздно. Новѣйшія разысканія о началѣ гуманизма въ Польшѣ см. у Шуйскаго „Odrodzenie i reformacya w Polsce“. W Krak. 1881; см. также

ности общественнаго уклада ставили русскія земли выше Польшы въ отношеніи челоуѣчности: какъ извѣстно, со второй половины XIV в. въ Польшѣ началъ быстро развиваться шляхетскій строй съ его исключительностью. Если даже оставимъ въ сторонѣ подобныя сопоставленія, нельзя не признать, что западно-русская культура того времени была основана на самобытныхъ началахъ и не нуждалась въ польскомъ благодѣянніи ¹⁾. Что до литовскаго племени, составившаго съ Русью одинъ политическій организмъ, то оно, какъ мы видѣли, тяготѣло къ Руси и претворялось и въ своихъ вождяхъ, и въ массахъ, въ русскую народность ²⁾.

Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайтѣ и дальнѣйшія попытки поддержать эту унію почти совсѣмъ измѣнили внутреннія отношенія литовско-русскаго государства. Идея уніи положила начало совершенно новому направленію его исторіи и ослабленію его, такъ какъ впервые создала дѣйствительную внутреннюю рознь въ литовско-русскихъ земляхъ. Благодаря такому разобщенію Польша приобрѣла возможность вліянія на ходъ литовско-русскихъ дѣлъ, а это вліяніе привело постепенно къ поглощенію Польшею литовско-русскаго государства.

Съ той поры, какъ Ягайло занялъ польскій престолъ, пообѣщавъ унію съ Литвою, Польша непрерывно заботилась объ осуществленіи

R. Löwenfeld'a „Lukasz Gornicki. Sein Leben und seine Werke. Ein Beitrag zur Geschichte des Humanismus in Polen“, Breslau 1884, а также ст. Bauch'a: „Rhagius Aesticampianus in Krakau“ etc. въ Archiv f. Litteraturgeschichte, XII. Bd.

¹⁾ Не лишено значенія, что Гедеминъ, задумавъ водвореніе въ своемъ государствѣ западной культуры, не обращался къ посредству Польшы.

²⁾ Г. Юргевичъ въ статьѣ „Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ“, помѣщенной въ III-й кн. „Чтеній въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.“ 1883 г., попытался доказать съ помощію литовскихъ именъ, „что вліяніе Русскихъ на Литву было гораздо древнѣе, чѣмъ мы предполагали, и началось даже раньше Ярославъ, когда Литва не была еще княжествомъ“. Г. Юргевичъ справедливо признаетъ курьезными объясненія литовскихъ именъ, предложенныя прежде Даниломъ и Доугдарисомъ, но и самъ впадаетъ въ погрѣшности, толкуя литовскія имена безъ помощи литовскаго языка, подгоняя ихъ къ христіанскимъ и принимая на вѣру вымыслы. Во всякомъ случаѣ, многія имена, казавшіяся языческими г. Юргевичъ возводитъ къ христіанскимъ.

этой уніи, о подчиненіи литовско-русскихъ земель своему вліянію, о скорѣйшемъ соединеніи съ ними, правильнѣе—о поглощеніи ихъ. Польша старалась, съ одной стороны, о непосредственномъ присоединеніи къ ней южно-русскихъ областей, подпавшихъ власти Литвы и представлявшихъ просторъ для польской колонизаціи и расширенія государственныхъ преимуществъ знати, а съ другой стороны о политической уніи съ цѣлымъ государствомъ. Польскіе сеймы и рады постоянно усиливались подавить въ литовско-русскихъ земляхъ всякое проявленіе стремленія къ самостоятельности и преслѣдовали упорно и неуклонно одну и ту же политику въ теченіи двухъ вѣковъ. Литва между тѣмъ занимала не дѣятельное, но страдательное положеніе: она пыталась только отбиваться отъ подобныхъ притязаній, но не имѣла достаточной силы разъ навсегда покончить съ ними и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе поддавалась имъ. Причина слабости Литвы и безуспѣшности ея борьбы противъ польскихъ притязаній на окончательное закрѣпленіе уніи и введеніе польскихъ порядковъ въ литовско-русскихъ земляхъ заключалась въ отсутствіи рѣшительности и единства въ литовской политикѣ. Это послѣднее обстоятельство было обусловлено нежеланіемъ великихъ князей литовскихъ порвать совершенно связи съ Польшею и разобщенностію основныхъ народныхъ стихій литовско-русскаго государства. Начало этой розни было положено при Ягайлѣ и затѣмъ она постепенно возрастала въ послѣдніе годы правленія Витовта и послѣ него. Съ конца XIV в. внутренняя жизнь литовско-русскаго государства представляла два параллельныя теченія, изъ которыхъ ни одно не могло восторжествовать надъ другимъ собственною силою и само по себѣ. Распря ихъ и вопросъ о перевѣсѣ котораго-либо изъ нихъ могли быть рѣшены только постороннимъ вмѣшательствомъ. Польша дала опору и поддерживала извнѣ одно изъ этихъ движеній и тѣмъ рѣшила дѣло: послѣ двухвѣковой почти борьбы Литва, колебавшаяся между идеею государства съ преобладаніемъ русскихъ началъ жизни и идеею федераціи съ Польшею, склонилась въ концѣ къ этой послѣдней. Національное русское движеніе 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ XV в. не нашло достаточно сильной внѣшней опоры, какую могла бы доставить ему сѣверо-восточная Русь, еслибы сама не была всецѣло занята въ то время собственными дѣлами, и было подавлено.

Итакъ, унія Литвы съ Польшею была благодѣтельна преимущественно для послѣдней, хотя въ будущемъ должна была принести

гибель и Польшѣ, вводя въ организмъ ея элементы, которые не могли ужиться съ польскими порядками. Литву эта унія сдѣлала участницей торжества надъ нѣмецкимъ орденомъ, но подобное торжество было возможно и при временномъ союзѣ Литвы съ Польшею, какъ было, напр., при Гедеминѣ. Помимо того унія съ Польшею отозвалась весьма печальными послѣдствіями въ жизни литовской и русской народностей и того государства, которое онѣ создали дружными усиліями.

Прежде всего воспослѣдовало внутреннее ослабленіе литовско-русскаго государства и внѣшнее въ отношеніи къ Польшѣ. Началомъ такого ослабленія были акты уніи конца XIV-го и начала XV-го в. Съ момента провозглашенія уніи начала исчезать самобытность литовско-русскаго государства. Правда, отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею до дѣйствительной и окончательной уніи прошло два вѣка, договоры объ уніи не имѣли полной силы во все это время, не приводили къ рѣшительному и окончательному единенію, и Литва выглядѣла при Витовтѣ какъ бы самостоятельнымъ государствомъ, но все-таки со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ она не могла уже совершенно разорвать свою связь съ Польшей, къ которой ее притягивало отчасти католическое исповѣданіе кореннаго литовскаго племени и въ особенности общность царственнаго рода, правившаго въ Польшѣ и Литвѣ. Благодаря религіозной связи и тому, что польскіе и литовскіе государи были изъ одного дома, дорожившаго связью Литвы съ Польшею и долженствовавшаго постоянно угождать польской шляхтѣ, чтобы не утратить Польши, въ литовско-русское государство все болѣе и болѣе проникали польско-католическія тенденціи, исключавшія несогласныя съ ними начала и относившіяся къ послѣднимъ съ крайнею нетерпимостью.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ укрѣпить политическую унію замѣчается со стороны Польши и ея приверженцевъ въ Литвѣ стремленіе доставить возможно большее торжество католичеству въ литовско-русскихъ земляхъ.

Мы видѣли, что литовско-русскіе князья до 1385 г. соблюдали большую осторожность въ вопросѣ о вѣрѣ и, сочувствуя православію, а иной разъ и исповѣдая его, не рѣшались открыто поощрять распространеніе его и обращать религіозную пропаганду въ дѣло государственной политики. Не такъ было послѣ уніи Литвы съ Польшею. Высшіе слои Польской націи были уже проникнуты въ то время ка-

толическою нетерпимостью и думали, что религиозное раздѣленіе опасно для государства, что слѣдуетъ по возможности подавлять другія исповѣданія и что можно въ крайности прибѣгать и къ насиліямъ. Польскіе дипломаты и литовскіе ихъ сторонники вѣрили, что католичество могло быть наилучшимъ средствомъ сближенія обоихъ государствъ. Высшее польское духовенство и знать, употреблявшія всѣ усилія для укрѣпленія связи съ Литвою, прибѣгавшія для того ко всевозможнымъ дипломатическимъ уловкамъ и хитростямъ, знали, что католичество, введеніе котораго въ Литвѣ было ихъ дѣломъ, являлось звеномъ, которое могло крѣпко соединить обѣ народности. Тоже воззрѣніе волей-неволей усвоили въ большей или меньшей степени и князья литовскаго дома, занимавшіе польскій престолъ. Вопросъ религиозный сталъ теперь вмѣстѣ и вопросомъ государственнымъ, и государство приняло на себя попеченіе объ интересахъ вѣры. Въ грамотѣ на имя Виленскаго епископа Ягайло прилагалъ заботу, „дабы новообращенные въ католичество литовцы какимъ-либо образомъ не отдѣлились отъ послушанія и обрядовъ римской церкви“. Ягайло и Ягеллоны пошли по тому пути, который въ Галичинѣ и западной Польшѣ былъ предначертанъ Пястами (Казиміромъ V, Владиславомъ Опольскимъ и ранѣе—отчасти Юріемъ II), и вводили польскій государственный строй и католичество при всякой возможности. Великіе князья литовскіе начали поощрять распространеніе католичества, надѣляя католиковъ привилегіями, какихъ не получали православные, и постепенно съуживали права послѣднихъ, отчуждая отъ нихъ католиковъ. Средствомъ заманиванія въ католичество служили польско-шляхетскія привилегіи, которыя стали съ того времени конечною цѣлью стремленій литовско-русскаго боярства и отдавали его въ сѣти Польши, между тѣмъ какъ нѣкоторые видные представители аристократіи крѣпко стояли за свои національныя и религиозныя начала. Желая провести унію, польская дипломатія хорошо обдумала планъ и выбрала средства, которыя могли вести къ цѣли какъ нельзя лучше. Орудіемъ введенія уніи она намѣтила дворянство. Всѣ сторонники уніи постоянно имѣли въ виду усиленіе дворянства, какъ наиболѣе податливаго въ этомъ отношеніи сословія въ литовско-русскомъ государствѣ, и заботились о привлеченіи его на свою сторону приманками „польскихъ вольностей“, которыя составляли принадлежность одного шляхетства; о народѣ не думали. Постепенно въ литовско-русское государство вводились польскій государственный

строй, польскіе должности и гербы; особенное вниманіе было обращено на польско-шляхетскія привилегіи, которыя должны были преимущественно содѣйствовать распространенію католичества среди литовскаго дворянства. При крещеніи въ Краковѣ Ягайло клятвенно обязался „привлечь, приневолить и *всѣми способами* присоединить къ католической вѣрѣ всѣхъ людей народа литовскаго, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали и какой бы секты и различія они ни были“. Въ этихъ словахъ была впервые точно выражена та правительственная программа, которой нерѣдко слѣдовали потомъ польско-литовскіе государи. Прибывъ въ Литву по принятіи католичества, 20 февраля 1387 г. Ягайло издалъ привилегію для литовскихъ бояръ, которые перешли бы въ католичество; имъ предоставлялись права, составлявшія преимущество польской шляхты. Декретомъ 22 февраля 1387 г. Ягайло повелѣлъ всѣмъ литвинамъ, жившимъ въ Литвѣ и на Руси, перейти въ католичество *изъ всякой другой секты*, запретилъ вступать въ бракъ съ послѣдователями греко-восточнаго исповѣданія, лицамъ же, вступавшимъ въ бракъ съ исповѣдывавшими католическую вѣру, повелѣлъ принимать католичество. Ослушникамъ грозило тѣлесное наказаніе. Ясно отсюда, что верховный литовскій правитель хотѣлъ отдалить литвиновъ отъ русскихъ и опереться на литвиновъ-католиковъ. Вслѣдъ загѣмъ Ягайло дѣятельно занялся распространеніемъ католичества и поощрялъ католическую пропаганду. Онъ надѣлялъ преимуществами католическое духовенство, а православныхъ называлъ схизматиками.

Политическая связь съ Польшей и распространеніе католичества открывали дорогу польской культурѣ, а эта послѣдняя приводила къ ополченію подававшихся ей и вмѣстѣ къ нетерпимому отношенію къ русскому началу. Желая подавить его самобытность и поскорѣе примирить съ польскими стремленіями ¹⁾, подняли въ Польшѣ и Литвѣ старую идею уніи православія съ католичествомъ ²⁾. Уже въ пере-

---

¹⁾ Въ актѣ уніи 1400 г. говорится что „*saepe disparitas cultus diversitatem inducit animorum*“.

²⁾ Замѣчательно, что уніаты позднѣйшаго времени не ссылались на попытку водворенія уніи въ югозападной Руси, которая была предпринята Иннокентіемъ IV въ XIII в., и исходнымъ пунктомъ своей аргументаціи

пискѣ Гедемина съ папою велася, между проч., рѣчь „pro ecclesie Dei unione“. Въ началѣ XV в. поднялась рѣчь объ этой униі въ самой Литвѣ. Витовтъ посылалъ на Констанцкій соборъ митрополита и православныхъ епископовъ подвластныхъ ему областей. Быть можетъ, онъ сочувствовалъ идеѣ сглаженія рѣзкаго религіознаго отчужденія литвиновъ отъ русскихъ и желалъ водворить единую церковь въ своемъ государствѣ. Отчасти, быть можетъ, для осуществленія этого плана онъ учредилъ и отдѣльную митрополию въ Литвѣ. Русскіе епископы заявили однако, что не желаютъ подчиняться римской церкви ¹⁾. Главнымъ агитаторомъ въ пользу униі былъ тогда Ягайло, обѣщавшій Констанцкому собору устроить соглашеніе съ греческою церковію ²⁾. Въ письмѣ къ папѣ Ягайло обѣщалъ оказать поддержку католической миссиі въ случаѣ присылки кардинала для обращенія русскихъ въ коренныхъ ихъ земляхъ. Ягайло писалъ, что, не будь военныхъ помѣхъ, онъ давно привелъ бы весь русскій народъ къ подчиненію римской церкви. Ягайло сносился по вопросу объ униі и съ Константинопольскимъ патріархомъ, а равно писалъ о томъ къ патріарху, по желанію короля, митрополитъ Кипріанъ ³⁾. Мысль объ униі была оживлена Флорентійскимъ соборомъ ⁴⁾

избирали Флорентійскій соборъ. См. Завитневича „Палинодія Захарія Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв.“, Варшава 1883, стр. 175 и слѣд.

¹⁾ Васильевскій, Вильна, 20. Г. Васильевскій ставитъ мысль Витовта о церковной униі въ связь также съ гусситскимъ движеніемъ. Ср. Stadnicki, Błasia Wład. Jag., 131—132. Dodatki i poprawki dalsze, Lwów 1873, 10. Выдержку изъ протоколовъ Констанцкаго собора о пребываніи Іеронима Пражскаго въ Литвѣ и объясненіе ея см. у Гильфердинга, Гусь, Спб. 1871, 16—22; она перепечатана въ „Витебской старинѣ“. Объ Іеронимѣ Пражскомъ см. еще у В. И. Ламанскаго „О славянахъ“, прилож. 123 и сл. См. также монографію г. Прохаски „Polska a Czechy w czasach husyckich aż do odwołania Korybuta z Czech“ въ Rozpr. i Sprawozd. z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności“ t. VII. Монографіи г. Прохаски собраны теперь въ отдѣльной книгѣ—Szkice historyczne z XV wieku, Warsz. 1884. Объ отдѣльныхъ литовскихъ митрополитахъ XIV в. см. замѣтку г. Павлова въ Р. ист. библ. VI, 71—73.

²⁾ Cod. ep. Vit. App. № VI, p. 1030. Stadnicki, Dodatki, 10.

³⁾ Acta Patriarch. II, 280, 282—285.

⁴⁾ Отъ времени, слѣдовавшаго непосредственно за Флорентійскою униєю, сохранился одинъ любопытный документъ, показывающій, что враждебно

и затѣмъ при в. кн. Александрѣ. Она должна была привести потомъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, католичество сразу являлось на Руси не только религіознымъ ученіемъ, но находилось въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ польскою государственною и національною идеей и было вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніемъ русской національной самобытности, не только политической, но и религіозной—нарушеніемъ религіозной свободы. Отсюда должна была возникнуть тѣснѣйшая связь русской народности въ литовскомъ государствѣ съ православіемъ; православіе было называемо русскою вѣрою, а послѣдователи его получили въ правительственныхъ документахъ названіе русской секты. Русскіе были поставлены въ положеніе униженной, не покровительствуемой народности. Польская политика раздувала искусственно фанатизмъ въ странѣ, въ которой его не было до той поры, и благодаря разгоряченію фанатизма, религіозное раздѣленіе стало представлять теперь дѣйствительную опасность для государства.

Недоброжелательное отношеніе къ русской народности и вѣрѣ и привело къ той розни и внутренней борьбѣ въ литовско-русскомъ

относились къ этой униі даже жители города пограничнаго со стороны Польши, Холма: разумѣемъ посланіе отщепенца митроп. Исидора, писанное въ 1440 г. къ Холмскимъ старостамъ и воеводамъ въ защиту попа Вавилы. Оно перепечатано въ послѣднее время въ Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. VI (№ II) со списка, сохранившагося въ Метрикѣ Коронной съ обозначеніемъ лица, предъявившаго этотъ документъ, но исправнѣе напечатанъ этотъ текстъ у Бодянского (съ объясненіями): „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библиотекѣ“, М. 1840, стр. 12—16.

¹⁾ См. книгу г. Кояловича: „Литовская церковная униа“, т. I, Сиб. 1859. Новѣйшая монографія о церковной униі въ югозападной Руси, написанная О. И. Левицкимъ (предисловіе къ VI-му т. 1-й ч. Арх. ю. з. Р.), отгвѣняетъ преимущественно нѣкоторыя изъ условій, содѣйствовавшихъ распространенію униі. Ср. статьи Д. А. Синицаго о состояніи церкви въ юго-западной Руси предъ унией („Вѣстн. ю.-з. и з. Р.“). Новѣйшія католическія сочиненія о церковной униі: *Likowski*, *Historja unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim, w Poznaniu, Leitgeber i spółka*, 1875; *Pelesz*, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom*, 2 Bde, Wien. 1878—80. Обѣ эти монографіи не научны и тенденціозны.

государствѣ, которая, какъ справедливо думаетъ В. Б. Антоновичъ, была главной причиной паденія этого государства. Такая борьба началась только послѣ 1387 г. ¹⁾; до того времени нѣтъ извѣстій о взаимной племенной и религіозной враждѣ двухъ народныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ литовско-русскаго государства.

Ходъ литовско-русской исторіи съ 1387 г. обусловливался, какъ и прежде, взаимодѣйствіемъ трехъ культурныхъ началъ, но взаимное отношеніе ихъ, а равно и направленіе одного изъ нихъ измѣнились вслѣдствіе привнесенія новой политической и религіозной программы. Народное литовское начало ожесточало себя теперь нерѣдко съ католичествомъ и въ силу того не всегда соблюдало стойкость въ отношеніи къ Польшѣ, въ которой видѣло единовѣрную союзницу. Различіе религіозныхъ исповѣданій начало отзываться политической рознью. Вспомнимъ, какое разъединеніе поселяетъ религіозное различіе даже въ настоящее время, напр. въ Босніи, гдѣ католики ненавидятъ православныхъ и наоборотъ. Еще сильнѣе должна была разгорѣться вражда въ Литвѣ 500 лѣтъ назадъ. Въ тѣ вѣка нетерпимости подъ вліяніемъ внушеній духовенства различіе исповѣданій имѣло огромное значеніе, и люди одной вѣры относились недоброжелательно къ послѣдователямъ другой. Въ особенности это должно сказать о католической іерархіи которая пыталась не разъ—и путемъ мирныхъ переговоровъ, и силою оружія—привести православную Русь къ единенію съ Западомъ. Русскіе, которыхъ даже Ягайло называлъ схизматиками, почти не отличались²⁾ по взгляду католиковъ, отъ татаръ; они были называемы *pagani*, а церкви ихъ синагогами. Во время Ягайла и Витовта на Западѣ держалось во всей силѣ враждебное отношеніе къ русскимъ ³⁾, которые

---

¹⁾ Къ тому же взгляду склоняется и Станиславъ Смолька въ *Szkice historyczne, serya pierwsza, Warsz. 1882, 43*: „.....odkąd Litwa sama z pogaństwa na katolicyzm nawrócona, otrząsa się z wpływu ruskiego, rozwarza się nagle przepaść między dwiema różnorodnemi częściami państwa litewskiego“.

²⁾ Нѣмецкій орденъ ставилъ въ вину Ягайлу то, что онъ „*contra canonum prohibicionis in tales exaccionis sentencias promulgans, multa familiaritate scismaticos immo hereticos Ruthenos, qui utique sunt dure cervicis et cordis indomabilis, dampnatam heresim de processione spiritus sancti tantum a patre procaciter tenentes et pertinaciter defendentes, ecclesie Romane inobedientes, sacramenta*

не платили однако такою ненавистью своимъ врагамъ ¹⁾ и тѣмъ отличались отъ католиковъ. На послѣднихъ по преимуществу падаетъ вина за рознь, развившуюся въ литовско-русскомъ государствѣ. Наследши опору въ верховной власти, католичество не ограничивалось свободною религіозною проповѣдью и относилось нетерпимо къ православію. Вслѣдствіе такого отношенія и стремленія католичества къ преобладанію *въ государствѣ* примиреніе и равновѣсіе обоихъ началъ было невозможно, и должна была произойти борьба, имѣвшая цѣлью перевѣсъ и торжество одного начала надъ другимъ. Эта борьба подрывала силы литовско-русскаго государства и нерѣдко побуждала лицъ, стоявшихъ во главѣ его, добиваться тѣснѣйшей связи съ Польшею.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о сущности историческаго процесса, совершавшагося въ литовско-русскомъ государствѣ въ послѣдніе два вѣка его существованія, укажемъ на главные моменты развитія этого процесса и постепеннаго опутыванія Литвы Польшею ²⁾.

Со времени провозглашенія первой уніи Литвы съ Польшею, съ 1387 г. стало рѣзко обозначаться раздѣленіе населенія литовско-русскаго государства на два враждебные лагеря, и ясно выступили политическія партіи ³⁾. Начали открыто заявлять себя разнородныя начала, стремившіяся къ обособленію. Съ того времени русскіе бла-

---

nostra prophanantes, plurimos alios dampnatos errores habentes, Christi fidelibus opido infestiores quam quequam alia gens barbara et crudelis, fovendo et defendendo eos divino timore postposito“... Cod. ep. Vit., App., p. 1028. Безпристрастные польскіе историки, напр. Стадницкій, не отрицаютъ такого враждебнаго отношенія католичества къ русскому народу.

¹⁾ Вотъ слова ордена въ объяснительной запискѣ крестоносцевъ, поданной Констанцкому собору: „Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitatione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt ea benignitate et paciencia tollerant, qua ipsos in eorum perfidia tollerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittunt, sed diris cruciatibus persecuntur cuius misterium dignissimis vestris paternitatibus relinquitur declarandum“. Cod. ep. Vit., App., p. 1030.

²⁾ Цѣльный очеркъ этого процесса можно найти въ книгѣ А. Mosbach'a: *Początki unii Lubelskiej*, Poznań 1872.

³⁾ Ср. у Смирнова: *Ягелло-Яковъ-Владиславъ*, стр. 205.

гопріятствовали однимъ князьямъ, литвины католики другимъ. Литовская аристократія отдѣлялась отъ русской. Возникла борьба, которая по временамъ утихала, а по временамъ разгоралась съ значительною силою. Борьба эта перешла потомъ по наслѣдству въ Польшѣ, когда послѣдняя захватила южнорусскія области, принадлежавшія прежде Литвѣ, но послѣ Люблинской уніи польскому насилію противилось уже не дворянство, а остальные сословія русской народности.

Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ борьба происходила собственно не между литовскою и русскою народностями, но между двумя культурами, принимая это обозначеніе въ широкомъ смыслѣ слова, включая въ это понятіе вѣроисповѣдныя различія, такъ много значившія въ то время, и отличія политическаго строя. Нельзя отрицать того, что противниками русскихъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ были по преимуществу литвины-католики, но этотъ антагонизмъ не былъ народенъ и зародился со времени официальнаго введенія въ Литвѣ католичества; собственно боролись партіи: шляхетско-католическая или литовско-польская и литовско-русская. Вполнѣ національная литовская партія не сливалась цѣликомъ съ польско-литовскою: она иногда опиралась на Польшу и на связь съ ея королями, но боялась совершенно поддаться ей.

Съ конца XIV в. въ литовско-русскихъ земляхъ замѣчается цѣлый рядъ попытокъ русской народности отстоять свою самобытность отъ насильственныхъ покушеній приверженцевъ уніи съ Польшей.

Русскіе поднялись противъ Ягайла прежде всего подъ знаменемъ его брата, князя Андрея Вингольта Ольгердовича, не хотѣвшаго ничего знать объ уніи и объявившаго, что Ягайло не можетъ быть литовскимъ княземъ потому, что принялъ латинство и сталъ отщепенцемъ. За Андрея стали полочане и смоляне, но онъ погубилъ свое дѣло своею неумѣlostью.

На первыхъ порахъ унія была единеніемъ обоихъ государствъ въ личности Ягайла. Ягайло смотрѣлъ на Литву, какъ на свою собственную землю, которую былъ вправѣ присоединить къ польскому государству, и хотѣлъ оставить въ Вильнѣ намѣстника, но обстоятельства показали ему, что онъ не могъ ограничиться оставленіемъ въ Литвѣ простаго намѣстника. Чтобы не вооружить противъ себя окончательно Литвы и русскихъ земель, Ягайло поставилъ во главѣ ихъ Скиргайла,

котораго нѣмцы называли русскимъ ¹⁾ и который, когда его смѣстили съ великаго княженія, получилъ въ удѣлъ важнѣйшій изъ чисто русскихъ городовъ—Кіевъ.

Ягайло вынужденъ былъ отдать литовско-русское государство Витовту. При Витовтѣ ²⁾ ослабленіе литовско-русскаго государства, какъ самостоятельнаго политическаго организма, было не слишкомъ замѣтно, и Литва озарилась небывалой дотолѣ славой, какой не видѣла въ послѣдующее время. По словамъ Длугоша, современники Витовта ставили его выше другихъ государей по искусству управленія государствомъ, и лучшій изъ новѣйшихъ знатоковъ исторіи Витовта, г. Прохаска, готовъ согласиться съ этимъ отзывомъ ³⁾. Витовтъ отличался несомнѣнно замѣчательными государственными способностями. Это сказалось ярко, между прочимъ, въ дѣлѣ о Жмуди, которая была уступлена нѣмецкому ордену еще Ягайломъ въ 1382 г. Горячій литовскій патріотъ Витовтъ никогда не думалъ искренно отдать ее нѣмцамъ, но въ виду упорства и неугомонности Жмуди допустилъ временное присоединеніе ея къ орденскимъ землямъ. Испытавъ сладость орденскаго господства, Жмудины порѣшили примкнуть къ Витовту потѣснѣе, но послѣдній долго притворялся пріателемъ ордена и показывалъ видъ, будто пособляетъ нѣмцамъ подчинить Жмудь. Вообще Витовтъ сумѣлъ стать великимъ княземъ Литвы при самыхъ неблагоприятныхъ, вазалось, обстоятельствахъ и восторжествовалъ надъ всѣми своими явными противниками. Онъ видимо стремился къ усилению центральной великокняжеской власти и успѣлъ достигнуть того вполне. Онъ отдѣлался отъ областныхъ князей, опиравшихся на русскую народность и сочувствовавшихъ ей ⁴⁾, и, лишившись вначалѣ всего, сталъ потомъ главою

1) Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 996.

2) Cod. ep., pp. IX—X.

3) Для времени Витовта укажемъ на статью проф. Васильевскаго „Жена Витовта“, помѣщенную въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1870, №№ 18, 19, 24, 40, 41 и 42, 43, 51, 52, 55, 57.

4) Нѣкоторые думаютъ, что Витовтъ не брезгалъ въ этомъ случаѣ даже преступными средствами, и приписываютъ Витовту отравленіе двухъ Ягайловыхъ братьевъ, Скиргайла и Вигунта. Цитаты см. у Шиманскаго: Die Wahlen der Grossfürsten von Lithauen und das Wahlgesetz seit 1386 bis in die Mitte des XV Jahrhunderts, s. 10.

обширнаго государства, провелъ всѣхъ сосѣдей и усилилъ Литву болѣе Польши. Никогда послѣ Витовта литовско-русское государство не достигало такихъ размѣровъ, какъ при немъ, и Витовтъ не только возбудилъ восторженное уваженіе современниковъ ¹⁾, но и потомъ слылъ народнымъ героемъ литовцевъ ²⁾. Полтора вѣка спустя царствованіе его все еще считалось какъ бы золотымъ вѣкомъ Литвы, какъ государства. Литвины XVI в. вспоминали о времени, когда ихъ предки „распространяли свои предѣлы отъ одного моря до другаго и назывались врагами „Храбрая Литва ³⁾“. На южныхъ окраинахъ бывшаго государства Витовта долго держалось воспоминаніе объ этомъ князѣ, рисовавшее его въ величавомъ видѣ ⁴⁾.

1) См. похвалу Витовту въ 1-й л.-р. лѣтописи.

2) Михалонъ Литвинъ выразился такъ объ Иванѣ IV: „мира онъ не вымалываетъ, силу отражаетъ силою, воздержанію татаръ противопоставляетъ воздержаніе своего народа, трезвости трезвость, искусству искусство, подражая нашему герою *Витовту*“.

3) Михалонъ Литвинъ, кн. III. Переводъ въ „Арх. историко-юр. свѣд.“ изд. Н. Калачевымъ, 1854.

4) Брунъ приурочивалъ къ имени Витовта „lacus Vidovo seu Obidovo“ Броніовскаго. Онъ сослался при этомъ на упоминаніе у Сарницкаго о Balneum Vitoudi и Pons Vitoudi (non procul a Balneo) (Dlug., t. II, 1712, p. 1890) и замѣчаетъ: „Peut-être même la tradition se rapporte-t-elle à Vitold qui d'après Sarnicius avait fait construire un pont et un bain ou plutôt une douane sur le Boug. En effet deux villages sur le bord de ce fleuve, Vitovca et Vitovtov-brod, furent probablement nommés ainsi d'après le nom païen de cet autre Alexandre. Aussi n'aurai-je aucune crainte d'affirmer que le liman du Dniestre a été nommé de son nom moldave plutôt d'après ce conquérant heureux, que d'après l'infortuné poète romain, comme on le prétend encore quelque fois, sans penser qu'Ovide n'a jamais été en Bessarabie et que les Moldaves n'y sont venus que peu de tems avant Vitold“. Sur l'emplacement d'un chateau, construit sur le bord du Dniestre en 1421 (Extrait du Journal d'Odessa n° 17 et 18—1852), p. 6. Любопытно, что во времена Сарницкаго сооруженію Витовта легенда приписала особое значеніе, не соотвѣтствовавшее дѣйствительному. У Сарницкаго читаемъ подъ словами Ouidii lacus (l. c. col. 1913): „Inter Hypanim et Tyram, sed vicinior ostiis Tyrac. Cernitur ibi murus quidam plumbo compactus, qui in mare medio milliari porrigitur. Dicuntque Vitoudum eousque in mare equo descendisse, dominium sibi maris Sarmatici vendicans“.—У Папроцкаго читаемъ въ разсказѣ о Эборовскомъ: „...idąc z Hasłonhorodka, miał nocleg u Witułtowej

Къ сожалѣнiю, величiе Витовтовой державы рухнуло вмѣстѣ съ его смертiю и было обманчиво, какъ справедливо замѣтилъ Львовскiй профессоръ Смолька ¹⁾, противникъ г. Прохаски въ оцѣнкѣ правленiя Витовта, не сходящейся съ г. Прохаской въ пониманiи личности этого государя.

Должно признать, что вина гибели литовско-русскаго государства падаетъ въ значительной степени на самого Витовта.

Не будемъ указывать съ укоромъ, принимая во вниманiе интересы великаго княжества литовскаго, какъ самостоятельнаго государства, на то, что Витовтъ письменно обязался въ 1392 г. признавать своей госпожей Ядвигу, не оставлять ея и польское королевство и оказывать имъ постоянную помощь ²⁾. Въ то время Витовтъ еще не успѣлъ укрѣпиться на литовско-русскомъ престолѣ; чтобы усидѣть на немъ, Витовтъ нуждался въ крѣпкой помощи Ягайла и понялъ, что открытая борьба съ Ягайломъ привела бы въ сущности къ торжеству нѣмцевъ. Имѣются другiя основанiя умѣрить похвалы, какiя расточаютъ Витовту, какъ дальновидному и мудрому государю Литвы. Нельзя не признать, что

łaźnic, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego". Herby ryc. polskiego, wyd. Turowskiego, Krak. 1858, str. 163. О времени Витовтова сооруженiя на Днѣпрѣ говоритъ подъ 1398 г. von Posilge: „*Wytolt zczech off dy Tatern mit macht*. Item in desim zomir czog Wytowt mit eyme groszin here von Littowin, Russin und cristin, und worin etliche mete von Pruszin, adir ir was nicht vil, und czogin hin ken Tatern wol IIe myle jensit der Wille; und buwete ein hus of den Nepper das fiys, und dielant dorumb irgobin sich im. Das hus wart gebuwet von leyne und steynen bynnen III wochen, und his dishus Sente Johannes—burg". Script. rer. Pruss. III, 222. Отмѣчаемъ это извѣстiе, чтобы читатель могъ видѣть, какъ основательны размышленiя о раздвоенiи Кромеромъ Витовтова похода 1399 г. и о томъ, что Кромеръ выдумалъ Витовтовъ походы 1397 г. (такiя возраженiя противопоставлены нашему взгляду на извѣстiе Кромера о завоеванiи Подоля). Что на Кромера въ этомъ случаѣ взводятъ напраслину, доказываетъ, кромѣ приведеннаго извѣстiя, другое—подъ 1397 г.—о походѣ къ Кафѣ и подчиненiи Витовтомъ татаръ (ib. 216). Слѣдовало бы также принять во вниманiе указанiе актовъ, хотя бы въ Skarbiec, № 670 (str. 308).

¹⁾ Szkice, стр. 47.

²⁾ Cod. ep. Vit., App. № II, p. 960.

Витовтъ допустилъ немало крупныхъ ошибокъ въ своей политикѣ въ послѣдующее время и вообще во все свое царствованіе.

Намъ кажется вѣрнымъ въ общемъ тотъ взглядъ на Витовта, который г. Смолька проводитъ въ своей статьѣ о битвѣ подъ Грюнвальдомъ. Современный польскій историкъ, развивая подозрѣніе, не разъ высказанное Длугошемъ, думаетъ, что Витовтъ замышлялъ, какъ бы не дать Польшѣ окончательно восторжествовать надъ нѣмцами, и желалъ тѣмъ предохранить Литву отъ поглощенія Польшей. Объясненіе тактики Витовта въ 1410 г., предложенное г. Прохаской ¹⁾, повидимому, вѣроятно, но несомнѣнно что Витовтъ разбилъ нѣмцевъ не болѣе, чѣмъ сколько было нужно для его цѣлей, и не далъ Польшѣ полного перевѣса надъ ними. Онъ постоянно отстаивалъ интересы крестоносцевъ въ противовѣсъ Польшѣ, да и потомъ, послѣ войны 1422 г., Витовтъ не имѣлъ охоты ратовать за Польшу и порывался уладить свои восточныя отношенія. Слѣдуетъ однако признать, что ни ранѣе Грюнвальдской битвы, ни долго послѣ нея Витовтъ не обнаруживалъ надлежащей рѣшимости въ отношеніяхъ къ Польшѣ, хотя и желалъ, быть можетъ, въ душѣ честолюбивый замыселъ стать самостоятельнымъ государемъ могучаго и обширнаго литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этой нерѣшимости Витовта при немъ продолжалась закладка и упроченіе началъ, которыя не могли сулить добра въ будущемъ литовско-русскому государству и содѣйствовать внутреннему укрѣпленію его и его самостоятельности. вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживались и признаки начинавшейся слабости.

Въ 1401 г. была формально подтверждена унія Литвы съ Польшей. Въ актѣ этой уніи литовскіе прелаты, князья, паны, шляхта обѣщали быть за одно съ польскимъ королемъ и королевствомъ, возвратитъ по смерти Витовта всѣ владѣнія его польскому королевству, признать власть польскаго короля и не выбирать никого въ государи Литвы безъ вѣдома Польши. Этимъ актомъ впервые устанавливался законъ наслѣдованія велико-княжескаго достоинства въ литовско-русскомъ государствѣ: великое княженіе становилось принадлежностью Ягайла и его рода, между тѣмъ какъ до той поры не было подобнаго

¹⁾ См. замѣчаніе г. Прохаски о болѣзни въ войскѣ Витовта въ Cod. ep. Vit., pp. 214—215.

точно опредѣленнаго законоположенія. Можно думать, что обязательство 1401 г. было подписано не всѣми видными представителями Литвы, а только католиками ¹⁾. Особенное значеніе имѣлъ извѣстный съѣздъ въ Городлѣ (въ 1413 г.), на которомъ литовское дворянство получило польскіе гербы и литовскіе дворяне-католики были уравнины въ нѣ которыхъ правахъ съ польскою шляхтою. Въ благодарность за себя и за всѣхъ бояръ литовская шляхта обязалась не оставлять польскихъ пановъ и, по смерти Витовта, избрать новаго великаго князя литовскаго не иначе, какъ съ согласія Ягайла и поляковъ, а поляки, въ свою очередь, должны были избрать короля съ вѣдома и согласія литвиновъ и Витовта. Этимъ исправлялась до извѣстной степени ошибка, допущенная Витовтомъ въ прежнихъ обязательствахъ въ отношеніи къ Польшѣ. Онъ былъ признанъ какъ бы самостоятельнымъ владѣтелемъ Литвы до конца его жизни, а послѣ его смерти Литва могла сама избрать себѣ великаго князя, хотя и съ согласія Польши, а не переходила прямо въ собственность Польской короны, какъ было условлено въ документахъ, подписанныхъ Витовтомъ прежде. Теперь обѣ страны какъ бы уравнивались въ правахъ союза, и наследственному праву, подтвержденному актомъ 1401 г., противопоставалось право избирательное, но не полное, ограниченное для обѣихъ сторонъ взаимнымъ контролемъ. Это право едва ли составляло для Литвы цѣнное приобрѣтеніе. Не могли принести много добра и другія статьи этого договора. Въ силу акта Городель-

¹⁾ Обѣщаніе вѣрности королю и польской коронѣ подписали въ 1401 г. *prelati principes, barones, nobiles, terrigene terrarum Litwaniæ et Russiæ*. Послѣ перечня цѣлаго ряда именъ говорится: *nec non tota universalis omnium et singulorum nobilium et terrigenarum predictarum Litwaniæ et Russiæ terrarum, quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, ipsorum tamen consensus ad subscripta adest acsi pro insertis haberentur*. Ни изъ чего не видно однако, чтобы подписавшіе актъ 1401 г. имѣли полномочіе отъ всѣхъ представителей литовско-русскаго государства на такое огульное заявленіе. Повидимому, подписавшіе были всѣ католики: въ актѣ 1401 г. мы не встрѣчаемъ именъ православныхъ епископовъ, да и подписавшіе называютъ себя *in fide facti unanimes et consortes* съ поляками и говорятъ: „*ad perfectionem catholicorum operum merito et oportune debemus per concordiam perpetue aspirare*“. *Cod. ep. Vit., p. 73—74, № CCXXXIV.*

ской уніи исповѣдывавшіе православіе не должны были быть допускаемы въ тайный королевскій совѣтъ и къ занятію высокихъ мѣстъ, и это постановленіе держалось до 1563 г. Его подтвердили Сигизмундъ I въ 1529 г. и Сигизмундъ II въ 1547 и 1551 г., при чемъ обѣщали не дѣлать послабленій православнымъ. Понятно, что такое постановленіе не могло состояться съ согласія русскаго населенія, и, отиѣняя это распоряженіе въ 1563 г., Сигизмундъ-Августъ въ объясненіе Городельской несправедливости ссылался на неувку Русскихъ на этотъ сѣздъ, вслѣдствіе чего будто бы и лишили ихъ правъ ¹⁾.

Мы видѣли, что, наряду съ этими общими обязательствами, уніа Литвы съ Польшей была скрѣплена цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ и частныхъ подписокъ князей литовско-русскаго государства въ вѣрности Ягайлу, Ядвига и польской коронѣ послѣ смерти Витовта. Самъ Витовтъ 18 января 1401 г. призналъ, что получилъ верховное княженіе въ литовскихъ земляхъ, составлявшихъ собственность Ягайла, до своей кончины, а не въ потомственное владѣніе ²⁾. Были взимаемы подобныя записи и съ земель. Въ 1418 г. Подоляне присягнули на вѣрность Ягайлу, а онъ велѣлъ имъ присягнуть на повиновеніе Витовту до смерти послѣдняго, при чемъ оставалась въ силѣ присяга на вѣрность польской коронѣ ³⁾, и Подолье какъ бы считалось польскою областью уже при Витовтѣ.

Витовтъ, при его великомъ умѣ, не могъ не видѣть всѣхъ послѣдствій этого ряда дипломатическихъ побѣдъ Польши. Онъ не могъ не замѣтить, что всѣ мѣропріятія Краковскаго двора имѣли въ виду не интересы великаго княжества литовскаго, какъ особаго государства, но выгоды Польши и католичества.

Скажутъ, что Витовтъ былъ вынужденъ своими отношеніями къ Ягайлу давать свое согласіе на всѣ мѣры, клонившіяся къ закрѣпленію связи Литвы съ Польшею, но подобная защита Витовта не въ состояніи будетъ поддержать славу его, какъ *гениальнаго* политика. Вообще,

¹⁾ Можно думать, что нѣкоторые русскіе были на сѣздѣ въ Городлѣ, но ихъ согласіе не требовалось для скрѣпленія принятыхъ тамъ рѣшеній.

²⁾ Cod. ep., p. 72, № ССХХХІІІ.

³⁾ Cod. Vit., № DCCCXV, p. 427—428.

какъ ни изворачиваться, нельзя не признать, что отчасти и самъ Витовтъ содѣйствовалъ позднѣйшему паденію литовско-русскаго государства. Умъ Витовта, возвышавшій его до яснаго пониманія смысла совершавшихся предъ нимъ событій, и до умѣнья весьма ловко пользоваться обстоятельствами для осуществленія величавыхъ плановъ, не предохранилъ этого знаменитаго полтика отъ значительныхъ ошибокъ.

Витовтъ не былъ проникнутъ узкою католическою нетерпимостью и стоялъ и въ этомъ отношеніи выше Ягайла. Хотя при Витовтѣ было учреждено католическое епископство даже въ Луцкѣ, но вообще католичество обнаруживало слабые успѣхи въ правленіе Витовта. Большинство литовцевъ были православные и въ числу послѣднихъ принадлежали многіе изъ самыхъ знатныхъ людей¹⁾. Враги Витовта, нѣмцы тевтонскаго ордена, указывали на то, что Витовтъ—предатель по врожденному лукавству и что онъ четыре раза измѣнялъ христіанству. Они обвиняли Витовта въ томъ, что онъ склонялся болѣе къ литвинамъ, русскимъ и невѣрнымъ, чѣмъ къ католикамъ²⁾. Быть можетъ, въ послѣднемъ навѣтѣ было преувеличеніе, но нельзя отрицать, что Витовтъ держалъ себя сравнительно независимо въ отношеніи въ церкви и ставилъ государственные интересы выше религіозныхъ, какъ то доказываетъ, напр., анекдотъ о проповѣди въ Жмуди. Когда жмудинки заявили намѣреніе оставить скорѣе родину, чѣмъ разстаться съ богами, Витовтъ, пригласивъ Иеронима, сказалъ: „Христосъ скорѣе обойдется безъ подданныхъ, нежели я³⁾“.

Но, будучи свободенъ отъ предвзятыхъ католическихъ тенденцій, Витовтъ тѣмъ легче могъ понять, что сила великаго княжества литовскаго, какъ самостоятельнаго государства, заключалась прежде всего въ русскомъ населеніи его и русской культурѣ. Витовтъ обратилъ однако на то недостаточное вниманіе и вслѣдъ за Ягайломъ положилъ начало ослабленію политическаго значенія русской народности, надѣливъ католиковъ исключительными привилегіями и поддерживая неопредѣленность отношеній. Витовтъ какъ бы побаивался усиленія рус-

¹⁾ Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 999.

²⁾ Ibid., 996.

³⁾ Przewodn. nauk. i literacki, 1880, № 7, ст Прохаски: „Trefuis Henne u Witolda“, str. 655.

ской народности и въ грамотѣ, устанавливавшей войтовство въ Дрогичинской землѣ, высказалъ желаніе чтобы пустынные мѣстности ея и лѣса были заселены католиками ¹⁾. Витовтъ не рѣшался порвать связь съ Польшею, вполне соблюдать должное безпристрастіе въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и тѣмъ воспрепятствовать возникновенію политической розни въ литовско-русскомъ государствѣ. Нельзя сказать, что во всю свою жизнь онъ былъ въ одинаковой зависимости отъ Ягайла и былъ связанъ неоднократно даннымъ обѣщаніемъ не отторгать Литвы отъ Польши. Витовтъ не былъ стоекъ въ соблюденіи словъ и неуклонно правдивъ: то доказала его изворотливость въ борьбѣ съ Ягайломъ до занятія великокняжескаго престола. Обстоятельства также не всегда были одинаковы. Послѣ Грюнвальдской битвы, когда была сломлена сила главнаго врага Литвы, когда послѣдняя оправилась послѣ пораженія 1399 г., а Витовтъ достигъ единодержавія и прочно укрѣпился на литовско-русскомъ престолѣ, онъ могъ обнаруживать болѣе самостоятельности и не былъ вынужденъ слѣдовать внушеніямъ польскаго двора. У Витовта весьма долго не хватало на то рѣшимости, а между тѣмъ онъ издавна лелѣялъ въ душѣ мысль о созданіи изъ великаго княжества литовскаго большаго, крѣпкаго и независимаго государства.

Высказанный только что взглядъ на стремленія Витовта, на смыслъ его дѣятельности и на характеръ отношеній къ Польшѣ подтверждается, кажется намъ, какъ нельзя лучше исторіей послѣднихъ лѣтъ правленія Витовта, собственно исторіей знаменитыхъ переговоровъ Витовта о королевской коронѣ. Въ долгихъ разсужденіяхъ которыя велись по этому поводу, выясняются пригизанія обѣихъ сторонъ, Литвы и Польши, непрочность ихъ союза, державшагося преимущественно соглашеніемъ обонхъ государей, и въ тоже время безсиліе Витовта покончить съ этимъ союзомъ. Въ послѣдніе годы правленія Витовта весьма ярко

---

¹⁾ Skarbies II, № 1491. Видно, колонизація Дрогичинской земли продолжалась и при Витовтѣ. Отъ стараго населенія ея—Ятвяговъ—въ XVI в. уцѣлѣли незначительные остатки, какъ то видно изъ словъ Матвѣя Мѣховскаго: „primum linguagium (Lithuanicum) est Jaczuingorum, ut horum qui circa castrum Drohicin inhabitarunt, et pauci supersunt“. Polonicae historiae corpus. Ex bibl. Pistorii Nidani, Basileae, p. 146.

обнаружились промахи его политики, его нерѣшительность и въ то же время возможность инаго выхода въ виду того, что уніа, какъ оказалось, не имѣла еще горячихъ поборниковъ въ Литвѣ и должна была пасть съ разрушеніемъ личной связи государей ¹⁾.

Желаніе Витовта возложить на себя королевскую корону не было новымъ замысломъ, и королевскій титулъ не былъ новинкой для государей Литвы. Гедеминъ имеповалъ себя „Litvinogum (Letphanogum) Ruthenogumque rex“. Ольгердъ и Кейстутъ также называли себя Reges Lethoviae ²⁾. Равнымъ образомъ и Ягайло до принятія польской короны титуловался великимъ королемъ Литвы (obirster kōnig, gross kōnig), а мать его великой королевой (grossinn kōnigune).

Г. же Прохаска думаетъ, что вопросъ о королевской коронѣ Витовта, всплывшій въ послѣдніе годы его правленія, былъ послѣдствіемъ несчастнаго случая и интриги. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, по которому подъ конецъ своей жизни Витовтъ возвратился къ своимъ давнимъ задушевнымъ мечтамъ.

Обратимъ вниманіе на то, что на печати Витовта, привѣщенной въ одному акту 1390 г., и въ самомъ документѣ Витовтъ названъ королемъ ³⁾. Къ концу 1398 г. относится весьма интересная попытка провозглашенія Витовта королемъ ⁴⁾, и въ концѣ XIV в. его титуловали такъ жмудины и нѣмецкій орденъ ⁵⁾. Это обстоятельство весьма важно, и напрасно г. Прохаска считаетъ его дѣломъ только интриги крестоносцевъ. Къ тѣмъ же годамъ относится и довольно самостоятельное отношеніе Витовта къ Польшѣ. Возникнетъ мысль, не думалъ ли уже тогда Витовтъ занять совершенно независимое положеніе. Къ несчастію,

¹⁾ Г. Прохаска отрицаетъ это и считаетъ Витовта искреннимъ приверженцемъ уніа Литвы съ Польшею. См. нашу замѣтку о книгѣ г. Прохаски „Ostatnie lata Witolda“, Warsz. 1882, въ Киевскихъ „Унив. Изв.“ 1883, № 10 („Политическіе замыслы Витовта“).

²⁾ См., напр., Pax Iatrunculorum 1367 г.

³⁾ Skarbiec, II, № 583.

⁴⁾ Und uf die cziit (по окончаніи переговоровъ Витовта съ гошмейстеромъ) worfin die Littowin und Russin Wytowten eynen koning uf czu Littowen und czu Russin, das vor ny gehort was. Script. rer. Pruss. III, 224.

⁵⁾ Cod. ep. Vit., №№ LXVII и LXVIII.

пораженіе при Горсклѣ нанесло сильный ударъ затѣямъ Витовта и привудило его къ неблагопріятнымъ для Литвы сдѣлкамъ съ Польшею. Витовтъ долго послѣ того не заявлялъ претензій на королевскій титулъ и отказался отъ него, когда Сигизмундъ за 20 лѣтъ до Луцкаго съѣзда вознамѣрился возвести литовскаго князя въ король. Верховнымъ княземъ Литвы (*Litwaniæ princeps supremus*) и наследственнымъ владѣтелемъ Русн¹⁾ именовался Ягайло, считавшій Литву своею отчиною. Постоянно повторялось, что великое княжество литовское дано Витовту только въ пожизненное владѣніе. Поляки признавали Витовта только правителемъ, но не государемъ²⁾, Литву же считали неразрывно связанною съ Польшею съ момента уніи и потому постарались всѣми способами воспрепятствовать Витовту возложить на себя королевскую корону, когда онъ задумалъ то въ послѣдніе годы своей жизни. Интересны доводы обѣихъ сторонъ въ этомъ спорѣ. По мнѣнію Ягайла, коронованіе Витовта не принесло бы ничего хорошаго; напротивъ, послѣ того могли бы возникнуть разнаго рода неудовольствія и споры, могли бы рухнуть договоры, заключенные между Литвою, Польшей и польскимъ королемъ; достигши подобной чести, бароны и литовское населеніе могли бы набраться послѣ смерти Витовта такой смѣлости, что избрали бы новаго короля помимо вѣдѣнія польскихъ бароновъ, а между тѣмъ по договорамъ въ случаѣ вакантности престола Польши или Литвы бароны одной земли не могли приступить къ избранію короля или князя безъ согласія бароновъ другой. Сверхъ того, по словамъ Ягайла, у Витовта было много наследственныхъ земель короля, которыя были бы отчуждены отъ послѣдняго и отъ Польши въ случаѣ коронованія Витовта³⁾. Поляки выражались еще откровеннѣе въ своихъ возраженіяхъ противъ коронованія Витовта. По мнѣнію ихъ, это коронованіе могло произвести отчужденіе Литвы отъ Польши⁴⁾. Поляки

¹⁾ Въ одной русской грамотѣ 1408 г. Ягайло титуловалъ себя такъ: „сбожей милости король польскій, литовскій, русскій и иныхъ многихъ земель господарь“.

²⁾ Cod. ep. Vit., № MCDLV, p. 942. Прежде нѣмцы говорили тоже, Ib. App. № IV, p. 983.

³⁾ Cod. ep. № MCCCXLI, pp. 810—811.

⁴⁾ Ibid., № MCCCXLIV, p. 814.

утверждали, что Литва была отдана Витовту только во временное владѣніе и была уже польскою провинціею. Они заявляли объ этомъ и императору и папѣ, и папа повторялъ ихъ притязанія.—Витовтъ, съ своей стороны, не отрицалъ того, что послѣ его смерти литовскіе бароны и жители Литвы не могли выбрать себѣ государя безъ согласія и участія польскихъ бароновъ ¹⁾, но видѣлъ въ принятіи короны ручательство за свободу Литвы ²⁾; онъ настаивалъ на коронованіи потому, что усматривалъ въ немъ подтвержденіе своей самостоятельности ³⁾.

Возникаетъ вопросъ, на чьей сторонѣ была правда. Мы не беремъ на себя рѣшеніе его, но не можемъ не признать, что подозрѣніе Витовта было не напрасно. Въ глубинѣ польскихъ помысловъ таилась мысль о присоединеніи Литвы къ Польшѣ въ качествѣ польской провинціи: иначе съ чего-же было бы полякамъ бояться возведенія Литвы на степень королевства? вѣдь коронованіе Витовта не могло разрушить унію. Литвины, убѣжденные, что поляки относились къ Витовту и къ нимъ, какъ къ ленникамъ, не ошибались. Ягайло, какъ мы видѣли, прямо заявлялъ, что нѣкоторыя литовскія земли, составлявшія личную собственность его, принадлежали вмѣстѣ съ тѣмъ и польской коронѣ. Замыслы поляковъ видны лучше всего изъ привиллегіи, выданнаго въ Едльнѣ 4 марта 1430 г. Въ этомъ привиллегіи было постановлено, что Литва и Русь перейдутъ, по смерти Витовта, къ сыну Ягайла, который назначался вмѣстѣ съ тѣмъ и государемъ Польши. Привиллегіей этотъ противорѣчилъ Городельской уніи ⁴⁾. Ясно, что договоръ объ этой уніи былъ нарушаемъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ; онъ никогда не былъ соблюдаемъ въ точности и не былъ законоположеніемъ, нашедшимъ полное признаніе въ жизни ⁵⁾. Этимъ доказывается несоотвѣтствіе его дѣй-

¹⁾ Cod. ep. Vit., № MCCXIV, p. 814.

²⁾ Ibid., № MCDII, p. 893.

³⁾ Ibid., № MCDLVI, p. 945.

⁴⁾ Ostatnie lata Witołda, 274.

⁵⁾ Это доказывается и позднѣйшею политикою поляковъ, напр. предложеніемъ на Парчовскомъ сеймѣ 1441 г. объ уничтоженіи границы, раздѣлившей оба государства, о раздѣленіи литовскаго государства на воеводства по польскому образцу и о соединеніи ихъ подъ властью одного госу-

ствительнымъ интересамъ литовско-русскаго государства, у котораго онъ былъ вымогаемъ много лѣтъ и много разъ. Споръ о королевской коронѣ, разсорившій Витовта и литовцевъ съ Ягайломъ и поляками, находился въ тѣсной связи съ этимъ несодвѣтствіемъ и выказалъ весьма наглядно общее нерасположеніе литовцевъ и русскихъ къ уни съ Польшей. Въ этомъ состоитъ особый интересъ распри, ознаменовавшей послѣдніе годы правленія Ягайла и Витовта.

Признаніе за нею такого значенія не имѣетъ отношенія къ первоначальному поводу раздора и не измѣнится отъ принятія интриги крестоносцевъ за исходный пунктъ спора и за тайную пружину его. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ преувеличивать въ этомъ случаѣ значеніе тайной интриги. Правда, самъ Витовтъ говорилъ, что, пока не начались переговоры о коронѣ, у него было полное единодушіе съ польскимъ королемъ; о коронѣ Витовтъ будто бы и не думалъ, пока о ней не поднялъ рѣчь Сигизмундъ¹⁾; но если-бы даже было и такъ, если-бы Витовтъ оказался въ вопросѣ о королевской коронѣ игрушкой нѣмецкаго ордена, какъ думаетъ г. Прохаска, все-таки въ немъ говорило тогда не одно старческое самолюбіе. Витовтъ не оставилъ мысли о коронѣ и послѣ того, какъ прозрѣлъ интригу: онъ отстаивалъ въ этомъ случаѣ самостоятельность дорогой ему Литвы. Соглашаясь на Городельскій договоръ, Витовтъ не могъ постигнуть

даря. На всѣхъ сѣздахъ съ литвинами поляки открыто заявляли, что они пригласили Ягайла на престоль, имѣя въ виду соединеніе Польши и Литвы въ одно государство.

¹⁾ Витовтъ такъ очертилъ свои отношенія къ Ягайлу до вопроса о коронѣ: „cum domino rege Polouie etc. fratre nostro consuevimus mutuis potiri consiliis, nec sine consilio unius alter quidquam facit.—Frater dilectel quando vel quociens inter nos alique exoriuntur displicencie vel inequalitates, illas inter nos mutuo componamus“. Такія отношенія составляли, по словамъ Витовта, veterem doctrinam. Cod. ep. Vit., № MCCCXLV, p. 815 и 817. Въ свою очередь и польскій король напоминалъ Витовту: „quandocumque cum aliquo conuencionem habuistis, tunc nobis semper de ea intimastis“. Ibid., 833. Нельзя сказать однако, что это согласіе Витовта и Ягайла было вполне искреннее: Витовту приходилось таять въ душѣ немало обидъ, причиненныхъ ему королемъ, но Витовтъ терпѣлъ, избѣгая разлада. О томъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Сигизмунду изъ Эйкшишекъ.

дѣйствительный замыселъ поляковъ, потому что въ договоръ было включено упоминаніе объ *отдѣльномъ* государѣ для Литвы и тѣмъ какъ бы признавалась ея отдѣльность и самобытность. При искренней готовности поляковъ соблюдать это условіе и при отсутствіи опасенія упустить Литву изъ своихъ рукъ, при существованіи дѣйствительнаго взаимнаго расположенія обѣихъ народностей, возведеніе литовско-русскаго государства на степень королевства не могло бы угрожать Польшѣ опасностью, какъ о томъ и заявлялъ Витовтъ. Упорство и горячность, съ какою поляки воспротивились вѣнчанію Витовта королевскимъ вѣнцомъ, разъяснили великому князю литовскому истинныя ихъ намѣренія.

Витовтъ воспыпалъ гнѣвомъ, когда узналъ, что польскій посоль представлялъ его въ Пруссіи не имѣющимъ права раздавать литовскія земли безъ разрѣшенія Ягайла и какъ бы подчиненнымъ польскаго короля. Витовтъ рѣшился, повидимому, идти неуклонно къ предположенной цѣли, заявлялъ, что постановилъ остаться свободнымъ со своими землями, отобралъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ своихъ подданныхъ и началъ тѣснѣе сближаться съ орденомъ, уже не извѣщая короля обо всемъ, какъ дѣлалъ прежде. Проживи Витовтъ долѣе, могъ бы произойти полный разрывъ литовско-русскаго государства съ Польшей ¹⁾, но до того не дошло вслѣдствіе быстро наступившей смерти в. князя.

Подведемъ общее заключеніе о значеніи княженія Витовта въ исторіи литовско-русскаго государства.

Главная заслуга Витовта состояла въ довершеніи созданія обширнаго и крѣпкаго по наружности государства и въ нанесеніи въ союзѣ съ Польшей жестокаго удара нѣмецкому ордену, послѣ чего тотъ не могъ уже оправиться; но въ то же время Витовтъ сдѣлалъ очень мало для упроченія самобытности литовско-русскаго государства въ отношеніи къ Польшѣ. Попытавшись къ концу своего царствованія доставить Литвѣ полную независимость безъ расторженія союза съ

---

¹⁾ Г. Прохаска указываетъ на письмо Витовта къ Сигизмунду, въ которомъ в. князь литовскій просилъ не высылать болѣе короны, но это письмо было отправлено въ виду невозможности добиться ея. То было совершенно естественное колебаніе, но Витовтъ не оставилъ вполне мысли о коронѣ. *Ostatnie lata Witolda, 337.*

Польшей, Витовтъ не осуществилъ этой своей исконной мечты и не довелъ своего дѣла до конца. Для завершения созиданія литовско-русскаго государства необходимо было страхнуть съ него всѣ путы, привязывавшія Литву къ Польшѣ, но Витовтъ долго не рѣшался на то и принялся за энергическое выполненіе этой мысли только въ послѣдніе годы своей жизни. Смерть положила предѣлъ этимъ начинаніямъ, которыя могли быть столь важны для дальнѣйшей судьбы литовско-русскаго государства, а послѣ Витовта не нашлось человѣка, который счумѣлъ бы продолжить его дѣло. Вообще Витовтъ занималъ посредствовавшее и неустойчивое положеніе: онъ не хотѣлъ вполнѣ присоединить Литву къ Польшѣ и быть покорнымъ намѣстникомъ польскаго короля, не преслѣдовалъ русской народности, къ которой не могли относиться сочувственно поляки, но и не входилъ въ искреннія отношенія съ русскимъ началомъ. Витовтъ желалъ стать выше племенной и религіозной розни, но былъ не въ силахъ искоренить ее.

При немъ продолжался процессъ внутренняго разрушенія того единенія литовскаго и русскаго началъ, которое устанавливалось до 1385 г. Смольняне, приобщенные при Витовтѣ къ литовско-русскому государственному организму, отложились—было отъ Витовта, „не могучи трѣпети насылая отъ иноверныхъ Ляховъ“¹⁾. При Витовтѣ продолжалось раздѣленіе партій, возникшее послѣ 1385 г., и внимательный взоръ могъ замѣтить начатки ослабленія Литвы наряду съ упроченіемъ внѣшняго единства ея. Трудно было, конечно, всѣмъ угодить. Въ различныхъ провинціяхъ Жмуди Витовтомъ былъ недоволенъ простой народъ²⁾. Быть можетъ, вліяла и приверженность къ старому культу, который все еще держался въ литовскихъ земляхъ³⁾. Была оппозиція и со стороны нѣсколькихъ бояръ, переселившихся

1) Лѣт. великихъ князей литовскихъ, изд. А. Поповымъ, стр. 43.— Объ отношеніяхъ Витовта къ Смоленску см. въ ст. г. Васильевскаго „Княгиня Анна“.

2) Были недовольны „etliche gemeine lute und gebuwer“, которыхъ Витовтъ отдалъ „den edelsten baiaren und guten luthen czum dinste“. Было затѣяно возстаніе uff die baiaren und uff die gut lute. Cod. ep. Vit., № DCCCLXXXI, p. 411.

3) Въ одномъ хронографѣ, принадлежащемъ Виленской публичной библиотекѣ, есть любопытная статья, начинающаяся словами: „Скажемъ поганьскыя предѣсти быти сіцего и в Лихъ мѣсехъ“. На полѣ позднѣйшей рукой

въ Жмудь ¹⁾. Недовольные Витовтомъ примыкали къ Свидригайлу ²⁾ который, хотя былъ католикомъ, имѣлъ немало сторонниковъ въ литовско-русскихъ земляхъ и причинялъ Витовту немало затрудненій ³⁾. За Свидригайла стояли также жмудины, не любившіе Витовта ⁴⁾. Вслѣдствіе того Свидригайло казался Витовту опаснымъ соперникомъ и, быть можетъ, боясь его, Витовтъ не рѣшался искренно и всецѣло примкнуть къ русской партіи, не рассчитывая найти въ ней искреннюю поддержку. Геній Витовта сумѣлъ однако сдержать на время его правленія всѣ эти разнородные элементы въ предѣлахъ повиновенія и вѣшняго единенія. Витовтъ успѣлъ даже снискать любовь подданныхъ. Генне, бывавшій при дворѣ Витовта, говоритъ, что онъ не видѣлъ другаго богатаго князя, котораго любили бы такъ подданные ⁵⁾. И недаромъ всѣ оплакивали въ смерти Витовта потерю отца отечества, какъ бы предчувствуя по словамъ современнаго ему историка, что съ Витовтомъ началось величіе христіанской Литвы и окончилось съ его смертью.

приписано: „се есть прелесть поганъская и внашом Литвѣ тося водило злое дѣло и до Витовта, бо Витовтову жону во Иряколе сожгли по смерти и потомъ почали переставати жечися“. Разумѣется, вѣроятно, первая жена Витовта. Въ статьѣ этой послѣ передачи сказанія о Совіи говорится: „ѿ велика прелесть діаволска, ꙗкъ вѣде къ литовскимъ рѣ, и къ латви, и къ прусы, и къ смѣ, и къ мѣст, и ныа многа азымы, ꙗкъ совіею нарнются. мнѣше и дѣшъ сконны сѣра прокъ ника къ адъ, Совѣа, вышменъ вѣта Акмелеха. ꙗкъ и нѣтъ мѣтка телеса скоръ съжигаютъ на крадѣ.... лѣ же мѣтѣ ѿ Акмелеха, и многого роду сквернаго Совѣа, до сего лѣта кнѣи науахѣ писати кнѣи си, есть лѣ, ꙗкъ и ꙗкъ и ꙗкъ и ꙗкъ лѣ тѣе выло“. Ф. Добрянскій, Описаніе рукописей Вил. публ. библ. Вильна 1882, 249—250. Нѣкоторыя изъ названій боговъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, совпадаютъ съ находящимися въ галицко-волинской лѣтописи подъ 1254 и 1258 гг.

1) Cod. ep. Vit, № CCCLXXXI.

2) Ibid., № DCCCXC, p. 490.

3) Ibid., pp. 406—407.

4) Ibid., № DCCCXXII, p. 439.

5) Przew. nauk. i literacki 1880, № 7, стр. 660. Есть также извѣстіе, что Витовта боялись его подданные: по словамъ Энея Сильвія тѣ, которыхъ Витовтъ приказывалъ laqueo se suspendere, предпочитали повиноваться, чѣмъ подпасть негодованію князя.

Еще при жизни Витовта поляки замѣчали сепаратизмъ литовскихъ бояръ и обвиняли ихъ въ томъ, что, въ случаѣ коронованіи Витовта, они изберутъ по его смерти короля, не справляясь съ волей Польши. Коронованіе не состоялось, но, тѣмъ не менѣе, литвины избрали великаго князя самостоятельно.

Исторія первыхъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Витовта показываетъ, какъ насильственно была навязана Литвѣ идея политической уніи, какъ мало поборниковъ находила тамъ эта идея, которую съ литовской стороны поддерживалъ преимущественно Витовтъ. Не только русскіе, но даже литовскіе вельможи не признали уніи и возвратили полякамъ ихъ гербы. Самъ Ягайло нарушилъ избирательный законъ 1413 г., и, уступая необходимости, видя, что ничего не подѣлаетъ съ боярами и съ Свидригайломъ, назначилъ послѣдняго великимъ княземъ собственною властью, не совѣщаясь ни съ польскими, ни съ литовскими вельможами.

Съумѣй Свидригайло соблюдать надлежащій тактъ, унія Литвы съ Польшей рушилась бы.

Въ борьбѣ, которая велась въ Литвѣ послѣ смерти Витовта, особенно ярко выступила слабая сторона этого государства, этнографическая двойственность его, которая начала оказывать теперь сильное вліяніе на ходъ дѣлъ. Литовско-русское государство раздѣлилось на два враждебные лагеря. Жмудины и отчасти литвины, приверженные къ Кейстуту и его роду, приняли сторону Сигизмунда Кейстутовича, за котораго стали и поляки, недовольные тѣмъ, что Свидригайло былъ избранъ въ великіе князья Литвы безъ ихъ вѣдома литовскими и русскими боярами, не далъ записи о вѣрности и не присягнулъ на повиненіе королю и польскому государству. Русскія земли приняли сторону Свидригайла, покровительствовавшего русской народности. Онѣ надѣялись освободиться подъ его водительствомъ отъ связи съ Польшей и отъ того давленія, которое испытывали, и отстаять свою политическую и религіозную самостоятельность. Въ ополченіе Свидригайла стеклось множество русскихъ князей. За него поднялась огромная полоса русскихъ земель отъ устья Мухавца до Днѣпра, за него стали Витебскъ, Полоцкъ, Сѣверщина, Смоленскъ, земля Кіевская, Волинъ; его поддерживали не только русскія массы и русскіе князья, каковы Острожскій, Збаражскій и другіе, но и такіе знатные литвины, какъ Румбольдъ, Гаптольдъ, подписавшіе Гродненскій договоръ объ избра-

ни на литовскій престолъ Сигизмунда Кейстуовича. Тогда впервые съ основанія литовско-русскаго государства обѣ коренныя народности его пришли въ рѣзкое и большое столкновеніе, а равно обновилась старая вражда польской народности къ русской. Къ несчастію, западная Русь не встрѣтила дѣятельной поддержки въ восточной, хотя Свидригайлу сочувствовали князья Московскій и Тверской и Новгородъ; въ дѣйствіяхъ русской партіи не было единства, а главное—Свидригайло не умѣлъ вести свои дѣла, какъ слѣдуетъ, оттолкнулъ отъ себя нѣкоторыхъ и далъ тѣмъ возможность восторжествовать польскому вліянію и Сигизмунду, защитнику уніи Литвы съ Польшей. Вслѣдствіе всего этого возстаніе литовской Руси при Свидригайлѣ окончилось неудачею.

Вновь затѣмъ рѣзко сказалась реакція православной Руси, какъ народности, оскорбленной въ своихъ правахъ, въ убіеніи в. князя Сигизмунда Кейстуовича, который, согласно съ Городельскимъ договоромъ, былъ признанъ польскими вельможами и литовскими, но въ сущности былъ креатурой поляковъ: его избраніе было дѣломъ польской политики, а равно и власть была доставлена ему польскимъ оружіемъ. Сигизмундъ считалъ себя подручникомъ польскаго короля, получившимъ Литву въ пожизненное владѣніе. Онъ сразу уступилъ Польшѣ нѣкоторыя изъ литовскихъ земель и вмѣстѣ согласился на переходъ Волини къ Польшѣ послѣ его смерти. Замѣчательно, что главными, виновниками убіенія Сигизмунда были волинскіе и подольскіе бояре, принадлежавшіе къ партіи Чарторыйскаго. Они видимо боялись за независимость Литвы и не сочувствовали территориальному ослабленію ея въ пользу Польши.

Такимъ образомъ, послѣ смерти Витовта литовско-русское государство находилось въ томительномъ переходномъ состояніи: оно не могло порвать окончательно связь съ Польшей и въ тоже время боялось потерять самобытность: того опасались сами кровные литвины. При Сигизмундѣ I было рѣшено не пользоваться никакою помощью отъ поляковъ. Въ особенности озлобляли литовцевъ стремленія поляковъ отхватить нѣкоторыя земли, принадлежавшія Литвѣ. Литва тщательно отстаивала отъ притязаній Польши Подолье, но не успѣла въ томъ. Также ревниво литвины отстраняли поляковъ отъ занятія должностей въ литовско-русскомъ государствѣ.

Исторія первыхъ лѣтъ послѣ убіенія Сигизмунда вновь показы-

васть, какъ безпочвенна была въ Литвѣ унія съ Польшей. Въ Литвѣ было мало искреннихъ сторонниковъ уніи, идея о которой и по своему происхожденію ¹⁾, и по выполненію принадлежала Польшѣ. Мы видѣли, что эту идею поддерживалъ въ Литвѣ преимущественно Ягайло, Витовтъ же не противился ей, не желая возбуждать подозрѣній Ягайла. При Витовтѣ фикція уніи держалась только благодаря уступчивости и авторитету этого князя въ Литвѣ. Она существовала болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Шляхетскими привилегіями пользовались не только католики. Виднымъ до извѣстной степени положеніемъ пользовались и литовскіе татары, которымъ были предоставлены права, и евреи—землевладѣльцы. Послѣ смерти Витовта Ягайлу оставалось только подтвердить выборъ Свидригайла въ великіе князья, состоявшийся вопреки условію уніи безъ вѣдома поляковъ. Когда Ягайло вручилъ Свидригайлу перстень въ знакъ инвеституры и поляки утверждали, что унія состоялась, литвины отрицали ее. Поляки видимо встрѣчали постоянную антипатію со стороны русскихъ и литвиновъ. Тоже отрицаніе уніи проявилось и въ настроеніи литовцевъ послѣ убіенія Сигизмунда Кейстutowича. Литвины и русскіе избрали великимъ княземъ Казимира безъ вѣдома и согласія Польши—въ качествѣ истиннаго и справедливаго наследника, „который владѣлъ великимъ княжествомъ съ полными правами по обычаю своихъ предшественниковъ и управлялъ имъ вполне“, какъ заявлялъ Казимиръ. Выборъ этотъ не былъ утвержденъ польскимъ королемъ Владиславомъ Варшавскимъ, и затѣмъ наступило совершенное разирые. Не было никакого взаимнаго довѣрія. Литовскіе паны готовы были думать, что поляки хотятъ захватить ихъ въ плѣнъ и перебить, хотятъ обратить литовцевъ въ своихъ подданныхъ ²⁾. Продолжался споръ о Подольѣ. Польша и Литва едва было совсѣмъ не раздѣлились, когда замѣнивъ Казимира, не согласившагося сначала на избраніе въ польскіе короли, поляки задумали выбрать другаго государя. Это было бы для нихъ весьма невыгодно, и потому они тотчасъ же избрали Казимира, какъ скоро онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе: въ возведеніи Казимира на польскій престолъ поляки видѣли

¹⁾ Szajnocha, Jadwiga i Jagiełło, III, 5 и 323, 15 и 324. Смирновъ, Ягелло-Яковъ-Владиславъ, 100—101 и прим. 158.

²⁾ Skarbiec II, № 1909.

единственное средство поддержать унію, договоръ о которой почти совсѣмъ не соблюдался до того времени. Но и съ избраніемъ Казимира въ польскіе короли разрывъ между Польшей и Литвой продолжался на первыхъ порахъ, и литовскіе бояре требовали признанія ничтожными договоровъ между обѣими странами и видимо не желали знать соглашеній 1413 и 1432 гг.

Казимиръ былъ первый изъ великихъ князей литовскихъ, которые носили польскую корону и въ то же время *фактически* владѣли великимъ княжествомъ литовскимъ. При немъ достигла, наконецъ, осуществленія уніа обохъ государствъ въ лицѣ одного государя. Съ 50-хъ годовъ XV в. Польша и Литва почти постоянно имѣли общихъ государей, и съ той поры началось болѣе тѣсное сближеніе литовско-русскаго государства съ Польшей. Упроченіе династіи Ягеллоновъ въ Литвѣ съ половины XV в. въ связи съ религіозными узами, сближавшими коренную Литву съ Польшей, не могло остаться безъ вліянія на нѣкоторое усвоеніе идеи уніи литвинами. Въ особенности работали въ Литвѣ въ пользу этой идеи литовскіе государи. Всѣ великіе князья литовскіе изъ дома Ягеллоновъ волей-неволей благопріятствовали союзу Литвы съ Польшей, а нѣкоторые и крѣпко стояли за него, какъ, напр., послѣдній представитель этого дома. Они могли носить польскую корону и передавать ее своимъ дѣтямъ лишь подъ условіемъ поощренія польскихъ притязаній. Желая упрочить оба престола за своимъ родомъ, литовскіе государи Ягеллоны должны были благопріятствовать уніи по примѣру Ягайла. Такъ какъ русскіе противились уніи, то великіе князья принимали мѣры къ подготовкѣ окончательнаго введенія ея, въ особенности въ XVI столѣтіи. Подготовка эта продолжалась въ теченіе цѣлаго вѣка. Она происходила и въ области политики, и въ области вѣры.

До 1387 г. русскій строй жизни потерпѣлъ сравнительно немного измѣненій въ литовско-русскихъ земляхъ. Обычай русскаго народа не были существенно нарушаемы и литовцы примѣнялись къ нимъ.

Но русскій строй представлялъ рѣзкое отличіе отъ польскаго: онъ опирался на совершенно иныя начала, къ которымъ не могла не относиться враждебно польская знать. Такъ, въ русскихъ земляхъ, подвластныхъ Литвѣ, держалось вѣчевое общинное начало¹⁾. Литва

¹⁾ Бѣляевъ, 294 и слѣд.—Въ концѣ XIV в. въ переговорахъ со сто-

не знала, далѣе, обособленности сословій. Всѣ они состояли въ равномъ подчиненіи власти великаго князя. При нерасположеніи къ уни русскихъ и многихъ литовцевъ, великимъ князьямъ оставалось для проведенія ея уничтожить самобытность строя литовско-русскаго государства, внести разьединеніе въ массу населенія и найти опору для уни въ болѣе сильномъ разрядѣ населенія.

Къ тому и клонилась сознательно или безсознательно, умышенно или невольно политика литовскихъ государей съ половины XV в. Происходило постепенное сглаженіе особенностей литовско-русскаго уклада, сохранявшагося еще въ значительной степени въ первыя десятилѣтія послѣ уни 1387, 1401 и 1413 гг. Польскіе порядки проникали болѣе и болѣе въ Литву, само правительство которой представляло польскій строй идеаломъ.

Этотъ строй состоялъ въ чрезмѣрномъ расширеніи правъ шляхты насчетъ центральной власти и другихъ сословій, въ преобладаніи ея надъ другими классами населенія и въ освобожденіи ея отъ тягостей государственныхъ повинностей.

Тоже водворялось постепенно въ Литвѣ. Въ 1386 г. Владиславъ Ягайло пожаловалъ князю Теодору Даниловичу Острогъ и земли къ нему *cum libertate terrigenarum regni Poloniae*. Уже при Ягайлѣ и Витовтѣ, какъ мы видѣли, католическая аристократія литовско-русскаго государства была надѣлена польскими преимуществами и гербами. Полнаго уравненія съ польскою шляхтою еще не было: литовское дворянство не получило, напр., права передавать вотчинныя земли безъ княжескаго разрѣшенія, не было освобождено отъ всѣхъ повинностей; но Городельскій привилегій предоставилъ и безъ того важныя преимущества литовско-католической знати и русской, которая измѣнила бы православію, именно право выбора князей и право сеймовъ. Этимъ водворялся въ Литвѣ польскій порядокъ. Изъ словъ акта, ко-

---

роны Жмуди выступали „von des gemeinen landis wegen czu Samaiten“ изъ разныхъ округовъ (Cod. ep. Vit., p. 23, № LXVII). Всѣ они являлись представителями отъ „deme ganczen lande czu Samayten“ (ib., p. 24, № LXVIII). Мы встрѣчаемся здѣсь съ проявленіями вѣчеваго строя, слѣды котораго въ русскихъ земляхъ великаго княжества литовскаго держались очень долго въ качествѣ отголосковъ старины.

имъ польская шляхта уступала въ Городѣ свои гербы литовской шляхтѣ, видно, что само польское дворянство интересовалось расширеніемъ правъ литовско-католическаго дворянства. Польская шляхта общала помогать литовской и хлопотать объ увеличеніи льготъ послѣдней.

Польское право рано утвердилось въ повѣтахъ Бѣльскомъ, Дорогичинскомъ и вообще на литовскомъ Полѣсѣ¹⁾. Въ 1432 г. Луцкая земля, т. е. ея дворяне, была освобождена отъ платы повинностей и шляхта ея уравниена съ польскою²⁾. Потомъ былъ изданъ цѣлый рядъ такихъ постановленій. Жалованной грамотой 1457 г. литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ Казимиръ IV даровалъ права, какими пользовались тѣже сословія въ Польшѣ: дѣти могли наследовать послѣ отца, вдова послѣ мужа, дочерей позволялось выдавать въ замужество, не испрашивая княжескаго разрѣшенія. Мало по малу, дворянство успѣло захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Власть великаго князя, которая была въ Литвѣ первоначально неограниченна, подпадала большому и большому ограниченію со стороны рады, или сената³⁾. При Витовтѣ упоминается *полная* боярская рада на ряду съ малою, но власть великаго князя была еще по прежнему неограниченна, и бояре не имѣли значительнаго вліянія на дѣла. Часто Витовтъ сносился самостоятельно

---

¹⁾ Такова, по нашему мнѣнію, правильная форма названія той мѣстности, встрѣчающаяся уже въ XIII в. и заслуживающая предпочтенія предъ позднѣйшею—Подляхія, Подлясье (Podlasia у Сарницкаго), Подляшье.

²⁾ Арх. ю.-з. Россіи, ч. V, т. 1, № 1.

³⁾ При Гедеминѣ видимъ какъ бы боярскую думу. Послы папскихъ легатовъ, представившіеся Гедемину 3 ноября 1324 г., увидѣли его сидящимъ посреди своихъ совѣтниковъ. На слѣдующій день послы вновь были потребованы во дворецъ, и князь былъ опять окруженъ совѣтниками, которыхъ было около 12 человекъ. Въ совѣтѣ Гедемина постоянно засѣдалъ въ то время доминиканецъ Николай, а минориты уже годъ не пользовались такою честью.—Великокняжеская рада упоминается въ договорѣ Ягайла съ орденомъ 1382 г., въ грамотѣ Любарта и въ грамотахъ другихъ удѣльныхъ князей. О радѣ литовско-русскихъ князей XV в. см. у Ключевскаго, Боярская дума древней Руси, М. 1882, стр. 152—156. Г. Первольфъ точно также считаетъ литовскую раду остаткомъ старой боярской думы („Osvěta, № 6, стр. 493). Ср. выше (въ III-й гл.).

лю внѣшнимъ дѣламъ ¹⁾). Послѣ него постепенно вліяніе рады на дѣла усиливалось въ литовско-русскомъ государствѣ. Такому усилению пособила Борьба Свидригайла съ Сигизмундомъ и въ особенности необходимость руководства для Казимира IV въ годы его юности. В. кн. Александръ въ привиллегіи 1492 г. узаконилъ значительное вліяніе рады и обязался не поступать вопреки принятому рѣшенію съ ея совѣта. Александръ пообѣщаль радѣ не смѣнять должностныхъ лицъ иначе, какъ за доказанныя преступленія, и вообще дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при замѣщеніи должностей, лишь съ согласія рады. Впрочемъ, эти ограниченія не соблюдались строго па дѣлѣ.—Стали *избирать* великихъ князей ²⁾, хотя соблюдали при этомъ наследственные права. Словомъ, Литва готовилась превратиться въ такую же аристократическую республику, какъ Польша. Получили широкое распространеніе сеймы ³⁾

---

¹⁾ Въ совѣтѣ Витовта засѣдали Виленскій католическій епископъ и *consilarii Litwanie*, а по временамъ *alii multi baiori*. Cod. ep. Vit., p. 816, № МСОСXLV.

²⁾ Избирательное право литовскихъ вельможъ было установлено впервые актомъ Городельской уніи. См. цитов. брошюру Шиманскаго о способѣ наследованія въ литовско-русскомъ государствѣ (*Die Wahlen der Grossfürsten etc.*).

³⁾ Сарницкій (при Лейпц. изд. Длугоша col. 1156—1157) называетъ первымъ сеймомъ литовскаго народа съѣздъ въ Кревѣ въ 1385 г. для обсуждения условій уніи Литвы съ Польшею. Ср. въ III-й гл. упоминаніе 1-й лит.-р. лѣт. объ этомъ съѣздѣ и слова Ягайла въ Городельскомъ актѣ о томъ, что онъ приступилъ къ уніи „*de consensu unanimi nostro et aliorum patrum nostrorum et omnium Baronum Nobilium, Procerum et Vojarorum ejusdem terrae Lithuaniae voluntate accedente et assensu*“. Ср. сомнѣніе Смирнова въ вѣрности этого сообщенія: „Споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолю“, стр. 6. Ягайло могъ не обратить вниманія на возраженія противъ уніи, буде таковыя раздавались, и присутствіе князей и знати еще не означало ихъ права останавливать рѣшеніе. Вообще въ то время важные правительственные акты заключали перечисленіе присутствовавшихъ князей. По словамъ акта 1401 г., унія была водворена съ согласія Ягайла *et omnium Baronum, Nobilium, Procerum et Vojarorum terrae Lithuaniae*; значитъ, русскихъ не спрашивали тогда. Ср. слова Ягайла въ грамотѣ на имя Виленскаго епископа: „Желая распространить католи-

и сеймики, вѣроятно—не безъ польскаго вліянія, потому что сеймы не могутъ быть сближаемы съ древне-русскою боярскою думою и напоминаютъ скорѣе древне-русскіе княжескіе *семы* ¹⁾. Особенно быстро сглаживались отличія литовско-русскаго государственнаго строя отъ польскаго въ послѣдніе годы правленія Сигизмунда-Августа, который употреблялъ всѣ мѣры къ подготовкѣ уни, старался сгладить преграды въ особенностяхъ строя и приучить смотрѣть на Польшу, какъ на страну, въ которой тѣже порядки, что и въ Литвѣ. Не смотря однако на всѣ эти мѣропріятія въ литовско-русскомъ государствѣ шляхта до конца существованія его не успѣла еще выдѣлиться въ замкнутую касту, хотя въ средѣ ея уже выработывался презрительный взглядъ на „ремесло хлопское“.

Одновременно съ приспособленіемъ положенія и значенія литовско-русскаго дворянства къ польской государственной идеѣ совершались перемѣны въ положеніи другихъ сословій.

Правительство выдѣляло горожанъ изъ общей массы областного населенія, изъ-подъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и расчленяло городскую общину, обособляя городскіе цехи мѣщанъ. Впрочемъ, до конца XV в. нѣмецкое право, приводившее къ такой перемѣнѣ, прививалось не особенно успѣшно въ литовско-русскихъ земляхъ.

Довольно рано замѣчаются опыты прикрѣпленія крестьянъ ²⁾. Происходили пожалованія отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ съ землями, которыя прежде были свободны ³⁾. При Витовтѣ наряду съ

чешскую вѣру въ земляхъ нашихъ *русскихъ* и литовскихъ, мы, по волѣ и съ согласія братьевъ нашихъ свѣтлѣйшихъ князей и *всѣхъ дворянъ* (*nobilium*) *земли литовской*, положили, установили“ и пр.

¹⁾ См. о сменахъ въ древне-русскихъ лѣтописяхъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ снемовъ см. въ лѣт. по Лаврент. сп. подъ 1301 г.

²⁾ Такъ, напр., въ концѣ XIV в. Витовтъ „подавалъ люди Крупосови и пинѣгѣ; такъ и доселѣ (1444) служатъ тые люди тымъ Круповичамъ“. Въ жалованной грамотѣ Свидригайла Петру Мыщицу 1408 г. на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ говорится, что они даются ему „со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало *и также слуи*“.... Встрѣчаются грамоты, жаловавшія людей.

³⁾ См., напр., Антоновича и Козловскаго Грамоты великихъ князей литовскихъ, стр. 21, № 10.

чиншевиками были несвободные люди ¹⁾. Въ 1454 г. Казимиръ закрѣпилъ пожалованныя земли за владѣльцами. Съ того времени въ отношеніи къ крестьянамъ все болѣе и болѣе усвоились польскіе порядки. Общинный судъ (судъ *konь* или *вѣчь* ²⁾) перешелъ во владѣльче-

¹⁾ Слово *чиншь* въ литовско-русскихъ земляхъ было въ употребленіи уже при Витовтѣ. См., напр., Cod. ep. Vit., № ССХLІ, р. 77. Czinsheftik=чиншевикъ въ документѣ 1404 г. (ib., р. 103, № ССХСV).—Въ Cod. ep. Vit. встрѣчаются данныя о землевладѣніи въ Жмуди въ началѣ XV в. Крупные землевладѣльцы именовались тамъ боярами и лучшими людьми (App. № IV, р. 984). У жмудскихъ бояръ были родовыя помѣстья (р. 171, № СССХСІV) и населенныя деревни. Ихъ „*natura ab origine in artibus bellicis et strenuis prout experientia testatur*“, „*conspicuos constituit et viriles*“ (ib., App. № VI, р. 1022). Подданные, при переселеніи бояръ, слѣдовали за ними (ib., 1035).—По документу 1401 г. въ Жмуди были люди *czynshafte und eigen* (Cod. ep., р. 77). Мнѣніе г. Прохаски см. на стр. 80: „*są to zdaje się ascripticii czyli adscripti ludzie nieswobodni, którym nadana była ziemia pod warunkiem pełnienia pewnych osobistych posług i nieopuszczania tej ziemi. Ob. Hnbe: Prawo polskie w wieku XIII. Warsz. 1874 str. 39 i n. Takich to znać mało było w ówczesnej Litwie a tem mniej na Żmudzi. Przeciwnie z chłopów (gebuer, cuncti coloni ascripticii sive liberi, porównaj Hube ibid. р. 47) składało się całe społeczeństwo.*“ О несвободныхъ людяхъ въ Жмуди см. еще Cod. ep. р. 165, № ССCLXXXIX.—О чиншевикахъ въ литовско-русскихъ земляхъ см. ст. г. Новицкаго: „Чиншевое владѣніе въ юго-западной Россіи“ (Труды Киевск. юрид. общ., прибавленіе къ протоколамъ 1880 года, К. 1883, стр. 60—80).

²⁾ См. статью г. Кулиша „Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ XVII столѣтіи“ въ „Вѣстн. югозап. и зап. Россіи“ 1862, июль, стр. 37. До монографіи Иванишева о конныхъ судахъ о нихъ въ научной литературѣ имѣлись лишь краткія упоминанія. См. Jaroszewicz, *Obraz Litwy I*, 159. Тотъ же общинный строй проявлялся и въ западнорусской церкви. Такъ, напр., Макарія избрали во львовскіе епископы „яко духовные и шляхта и мѣщане, такъ все посполство отъ большихъ и до меньшихъ земель русскихъ и посполскихъ“. См. ст. Г. Маркевича „Выборное начало въ духовенствѣ въ древне-русской, преимущественно юго-западной церкви“ въ „Трудахъ Киевской дух. Ак.“ 1872, авг. и сент. кн., „Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII вв.“ О. Левицкаго въ август. кн. „Киевской Старины“ 1884 г., а также ст. А. С. Лебедева „Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней вселен-

скій ¹⁾). Угнетеніе постепенно усиливалось, и явилось немало бѣглыхъ. Крестьяне переходили изъ однихъ имѣній въ другія. Уже при Витовтѣ были бѣглые крестьяне, спасавшіеся въ орденскія земли ²⁾. Земскій привилегій Казимира Ягайловича говоритъ о крестьянахъ, пожалованныхъ князьямъ, о крѣпостныхъ шляхты и мѣщанъ и о бѣглецахъ, укравшихся въ княжескихъ имѣніяхъ, и наоборотъ о бѣглыхъ великокняжескихъ подданныхъ. Помѣщикамъ было предоставлено право суда надъ крестьянами за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ. Были также и въ XVI в. люди, „осаженные на воли, и люди прихожіе (ин. „похожіе“), дававшіе дань съ пашень, работавшіе съ толоки и т. п. Работавшіе по 2 дня въ недѣлю („служившіе ко двору“) давали извѣстную сумму „мостовничому воеводиному“ по замощеніи моста. Уставъ о волокахъ 1557 г. назначилъ довольно крупныя повинности. Вообще въ XVI в. усиленно готовилось закрѣпощеніе ³⁾. Оно не обходилось безъ протеста ⁴⁾, но въ періодъ самостоятельности литовско-русскаго государства не видно рѣзкихъ внѣшнихъ взрывовъ. Въ возстаніи за Свидригайла участвовалъ простой народъ, который, быть можетъ, предвидѣлъ бѣду и который, по словамъ Герберштейна, находился со временъ Витовта въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ ⁵⁾. Потомъ недовольное крестьянство

ской и русскаго церкви“ въ сент. кн. „Русск. Вѣстн.“, 1873 г. Избирательное начало пало въ западно-русскаго церкви подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ, что доказываетъ г. Левицкій.

¹⁾ Объ этомъ переходѣ см. у Леонтовича: „Крестьяне юго-западной Руси по литовскому праву XV и XVI столѣтій“, Кіевъ 1863, стр. 39 и д.

²⁾ Cod. ep. Vit., № CCCXCIX, р. 177.

³⁾ См. ст. г. Юзефовича „Очеркъ хозяйственныхъ отношеній въ Малороссіи, на правомъ берегу Днѣпра въ XVI в.“ въ „Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи“, годъ I, окт. и декабрь.

⁴⁾ На Виленскомъ сеймѣ 1554 г. волынскіе дворяне ходатайствовали предъ правительствомъ, чтобы „люди отчизные и непохожіе, которые въ имѣніяхъ пановъ радъ князятъ и панятъ мѣшкаютъ, съ имѣній ихъ поутекавши, абы были за доводомъ ихъ выданы“.

⁵⁾ Витовтъ узаконилъ, чтобы крестьяне работали въ пользу помѣщика по 14 дней въ годъ съ каждой волоки. Съ конца XV-го в. приходилось работать по 1 дню съ волоки въ недѣлю. Измѣреніе земли волоками и теперь въ употребленіи на Волыни. О крестьянахъ въ литовско-русскихъ земляхъ

находило иной исходъ. Низъ, поднѣпровье и земли по р. Богу были гостепріимнымъ краемъ, гдѣ еще не подвергался стѣсненію козацкій строй, державшійся тамъ съ татарскаго времени. Изъ глубины Литвы, изъ окрестностей Вильны бѣжали *на низъ*, въ *дикія поля*, и тѣмъ предотвращалось пока дѣятельное сопротивленіе народныхъ массъ утѣсненію. Такъ было въ XVI в. и даже въ началѣ XVII-го.

(Окончачіе слѣдуетъ).

см. ст. г. Новицкаго въ „Арх. ю.-з. Россіи“, ст. г. Мордовцева „Крестьяне югозападной Россіи въ XVI в.“ въ Архивѣ Калачова, кн. III, 1862. Немало данныхъ для характеристики крестьянскаго быта въ XVI в. предъ уніей можно найти въ инвентаряхъ, составленныхъ въ половинѣ того столѣтія. Выписки изъ инвентарей Витебска и Могилева см. въ „Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи“, годъ I, октябрь (1862). Часть люстраціи XVI в. издапа г. Яблоновскимъ въ *Zródła dziejowe*. Характеристика быта крестьянъ по этимъ даннымъ была представлена В. Б. Антоновичемъ въ рефератѣ, читанномъ въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца и переданномъ въ краткомъ изложеніи въ „Кіевлянинѣ“ 1878 г. Описаніе восьми замковъ 1552 г. имѣеть вскорѣ выйдти въ свѣтъ подъ ред. В. Б. Антоновича въ „Арх. ю.-з. Россіи“.

Борьба культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшей.

(Окончаніе).

Польскій строй, клонившійся къ выгодамъ шляхетства, располагалъ постепенно мелкое литовское дворянство къ уніи съ Польшей. Магнаты же литовскіе противились уніи и примыкали къ русской партіи. Таковымъ былъ въ началѣ XVI в. Адальбертъ Гаштольдъ. Вообще Гаштольды выдавались въ средѣ литвиновъ, какъ одни изъ видныхъ противниковъ уніи. Опасаясь ея, литовскіе магнаты постоянно соединялись съ русскими въ критическіе моменты. Къ уніи могли спокойнѣе относиться, или болѣе или менѣе могли сочувствовать ей лишь земляне и бояре, которымъ она была выгодна. Что до горожанъ, то ихъ не могло подкупить введеніе нѣмецкаго права, вытѣснявшее постепенно русскій строй изъ городовъ. Въ Литву это право начало проникать съ 1387 г., когда было пожаловано Вильнѣ, но въ нѣкоторыхъ земляхъ и городахъ долго еще держались старыя обычаи, бывшіе отголоскомъ мѣстной автономіи, коренившейся въ древней особености русскихъ земель¹⁾. Удерживались также слѣды стараго этногра-

---

¹⁾ Грамота Сигизмунда I, подтврждавшая прежніе привилегіи, представляла „Витебляномъ самымъ казнити виноватаго по своему праву“... „Воеводу по старому по ихъ воли. А которы имъ будетъ не подобать воевода, а обмовятъ его передъ нами, ино намъ Воеводу имъ инога дати по ихъ воли. А прѣхавши воеводѣ нашему первого дня къ Витебску цѣловати ему крестъ и Витебляномъ на томъ, что безъ права ихъ не казнити поводомъ ни въ чомъ“.

фическаго дѣленія, распаденія на *земли* ¹⁾, и вообще было немало русской старины въ государственномъ и обычномъ правѣ литовско-русскаго государства ²⁾. Понятно, что масса русскаго населенія не имѣла никакихъ основаній сочувствовать уніи. Что же касается массы литовскаго населенія, то она перестала съ половины XV в. принимать дѣятельное участіе въ исторіи литовско-русскаго государства.

На подмогу сторонникамъ уніи съ Польшей въ среду литовцевъ и русскихъ явилось пришлое польское населеніе ³⁾. Есть извѣстія о поселеніяхъ поляковъ въ Литвѣ уже въ XIV столѣтіи. Ихъ было немало въ Подлѣсьѣ (Подлѣсьѣ), перешедшемъ во власть Литвы ⁴⁾. Поляки находились, далѣе, въ литовскихъ ополченіяхъ при Витовтѣ, который поручалъ имъ иногда нѣкоторыя должности ⁵⁾. Много поляковъ явилось въ Литву во время общихъ войнъ Ягайла и Витовта съ нѣмецкимъ орденомъ и загѣмъ при Сигизмундѣ Кейстутовичѣ. Въ половинѣ XV в. были поляки въ коренной Литвѣ. Великіе князья литовскіе нарушали иногда постановленіе о непринятіи иноземцевъ на государственную службу. Поляки проникали въ Литву также посредствомъ браковъ съ литвинками. Мало-по-малу, они пробрались на Волинь, въ особенности при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ ⁶⁾. Ранѣе

1) Данныя о Витебской *землѣ* указаны выше. Название Кіевской *земли* встрѣчаемъ и послѣ литовскаго времени, напр. въ грамотѣ Сигизмунда III Никифору Туру 1596 г., изданной А. С. Петрушевичемъ въ *Przegląd archeologiczny, zesł. I, Lwów 1882, str. 85.*

2) Объ остаткахъ этой старины см., между проч., у Первольфа, *Osväta* 1881, № 4. Интересно, что еще въ XVI в. держалось старое названіе дани—*помодѣ*.

3) О движеніи польскаго племени въ предѣлы литовской Руси см. нѣсколько общихъ свѣдѣній въ ст. г. Ир. Житецкаго „Смѣна народностей въ южной Руси“: Кіевская Старина 1884, ноябрь, 386—394.

4) Въ одной папской буллѣ XIII в. говорится о бѣгствѣ польскихъ крестьянъ, между проч.—и въ края литовскаго племени.

5) Такъ, напр., по взятіи Смоленска, Витовтъ „Ляхомъ предасть градъ держати“. Супр. рукоп., 137.

6) Въ 1554 г., по просьбѣ волинскаго и подлѣскаго дворянства, заявлявшаго о нарушеніяхъ поляками запрещенія селиться на литовскихъ земляхъ, король подтвердилъ, что никто, кромѣ природныхъ подданныхъ

они проникли на Подолье и въ землю Дорогичинскую, въ которой имъ позволилъ селиться Витовтъ. Общее запрещеніе было снято только въ 1564 г., когда полякамъ было разрѣшено приобрѣтать поземельную собственность въ литовско-русскомъ государствѣ.—Кромѣ польскихъ переселенцевъ распространенію польскаго вліянія содѣйствовало и католическое духовенство ¹⁾. Литовскій элементъ болѣе и болѣе отгѣснялся на второй планъ въ литовско-русскомъ государствѣ ²⁾ и бойцами за преобладаніе становились преимущественно сторонники польской культуры и русскіе.

Въ отношеніи къ русскимъ литвины слѣдовали по временамъ наущеніямъ поляковъ, и взаимное отчужденіе главныхъ народностей литовско-русскаго государства постепенно усиливалось. Тогда подъ вліяніемъ внушеній высшихъ сословій и въ литовскомъ народѣ явилась непріязнь къ русскимъ, какъ то доказываетъ обращающаяся въ Литвѣ пѣсня объ убіеніи русскими вязыми великаго князя Сигизмунда ³⁾. Съ 40-хъ годовъ XV-го в. встрѣчаются нерѣдко извѣстія объ антагонизмѣ русскихъ и литовцевъ. Католичество вносило болѣе и болѣе внутренней розни и разобщенія ⁴⁾. Когда Сигизмундъ I отдалъ Троцкое воеводство знаменитому гетману Константину Острожскому, то въ средѣ дворянства поднялась такая буря, что король долженъ былъ дать письменное ручательство въ томъ, что сдѣлалъ это въ виду особыхъ заслугъ Константина и впредь будетъ отдавать высшія литовскія должности не русскимъ, но литвинамъ и католикамъ.

литовско-русскаго государства, не имѣетъ права приобрѣтать тамъ поземельную собственность.

1) Слова Мѣховскаго: „In Samagithia autem, quae est longitudinis quinquaginta miliariorum, et in Lithuania, quae in longum triginta miliaria continet, in uillis Lithuanicum loquuntur, et in magna parte Polonicum profitentur: nam et sermone Polonico sacerdotes eis praedicant in ecclesiis. Insuper scito quod hoc linguagium quadripartitum totum est de obedientia et fide Romanae ecclesiae....“ Pistor., 146.

2) Во второй половинѣ XVI в. славилась только celeritas Lituorum. Panegiricus Warsevicii ad Steph. I Pol. Regem., Guagn., p. 14.

3) См. о ней у Мѣховскаго.

4) Напр., въ отпискѣ Шестакова 1498 г. говорится: „Здѣсе, господине, у насъ сталося замытенье великое межи Латыны и межи нашего христіянства.... ино наша Русь велми ея съ Литвою не любятъ“. Акты зап. Россіи, I, № 155.

Это обѣщаніе было подтверждено при немъ трижды. Подобное же ручательство выдалъ и Сигизмундъ-Августъ. Вообще русскіе были устранимы отъ полного участія въ управленіи, и договоры съ другими государствами были подписываемы не православными, но только католическими епископами.

Само правительство раздувало взаимную ненависть народностей. Въ первой половинѣ XV в. Владиславъ запретилъ браки литвиновъ съ русскими не-уніатами. Казимиръ, Александръ, Сигизмундъ, одинъ за другимъ, подтверждали распоряженіе Ягайла и Витовта о томъ, что лишь католики имѣли право на занятіе высшихъ должностей, и издавали новыя распоряженія, стѣснявшія свободу исповѣданія православія. Такъ, при Казимирѣ было запрещено строить новыя православныя церкви и починять старыя, и эти церкви назывались въ правительственныхъ актахъ на латинскомъ языкѣ (даже при Витовтѣ и Сигизмундѣ I) синагогами. Подобныя распоряженія обусловливались вліяніемъ католическаго духовенства и приверженцевъ католичества въ Литвѣ, а также польской знати. Положеніе исповѣдниковъ греко-восточной догмы было удрученно¹⁾; не было только формальнаго и общаго преслѣдованія. Александръ явился продолжателемъ Ягайла въ политикѣ религіознаго понужденія для утвержденія единенія народностей посредствомъ религіи. Самъ Александръ признавалъ, что „нѣкоторыя княжата и иные подданные, которые суть вѣры русское, принужены были къ вѣрѣ и обычаю святой римской церкви“. Открытое угнѣсненіе началось въ польское время²⁾, но и въ литовскій періодъ по временамъ уже рѣзко

¹⁾ См. изданное А. С. Петрушевичемъ „Соборное посланіе русскаго духовенства и мірянъ къ римскому папѣ Сиксту IV“, Львовъ 1876. Вскорѣ оно явится въ свѣтъ въ другомъ спискѣ въ ряду памятниковъ западно-русской письменности, изд. С. Т. Голубевымъ въ „Арх. ю.-з. Россіи“ (стр. 193—231). Мнѣнія о подлинности посланія см. у Завитневича: Палинодія, 192—195. См. еще Протоколы засѣданій Совѣта Кіевск. Акад. 1883 г. (Тр. К. Д. А., 1883, ноябрь), 295—298.

²⁾ См., между проч., Шараневича *Rzut oka na beneficya kościoła ruskiego za czasów Rzeczypospolitej polskiej pod względem historyi przede wszystkim o stosunku świeckiego duchowieństwa ruskiego w Galicyi do ziemi w tym okresie*, We Lwowie 1875. См. также книгу Ст. Качалы „*Polityka polaków względem Rusi*, Lwow 1879“, извлеченіе изъ которой помѣщено въ „Кіевской Старинѣ“ 1885, № 1.

проявлялась религіозная нетерпимость. При Александрѣ подъ вліяніемъ ея послѣдовало даже изгнаніе евреевъ изъ всего литовскаго государства, при чемъ религіознымъ побужденіемъ была прикрыта корыстная цѣль ¹⁾.

Иногда, повидимому, уравнивались права католиковъ и русскихъ. Вліяніе православныхъ на дѣла до окончательнаго присоединенія Литвы къ Польшѣ еще не было совсѣмъ устранено. Русскихъ побаивались, и этому обстоятельству должно приписать правительственныя распоряженія, клонившіяся, по временамъ, къ подтвержденію правъ русской народности. Къ такому давленію со стороны русской народности присоединилась вѣротерпимость Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа въ первую половину его правленія. Изъ нихъ въ особенности при первомъ былъ въ почетѣ русскій народъ, и 60 лѣтъ спустя вспоминали что Сигизмундъ, созидаль и обогащаль русскія церкви, какъ и католическія. Сигизмундъ-Августъ уравниль незадолго до уніи права всѣхъ христіанъ, но при этомъ имѣлось въ виду легчайшее осуществленіе уніи, привлеченіе на ея сторону православныхъ, которымъ этимъ уравниемъ также открывалась дорога къ шляхетскимъ привиллегіямъ. Тогда и Городельскій договоръ былъ распространень на всю Русь и Литву. Такимъ образомъ, незадолго до Люблинской уніи религіозное различіе въ Литвѣ уже не могло приводить ко взаимной ненависти послѣдователей различныхъ религій, но, къ сожалѣнію, вѣротерпимость возобладала довольно поздно въ литовско-русскомъ государствѣ, когда оно было уже весьма близко къ потерѣ самостоятельности и когда русская народность была значительно принижена рядомъ многолѣтнихъ неудачъ и утѣсненій. Она была лишена возможности свободнаго развитія въ литовско-русскомъ государствѣ послѣ 1387 г. Въ отношеніи къ ней правительства усматривается постоянное колебаніе и двойственность: и даже изъ привиллегіевъ, которые издавались въ пользу русской народности, видно угнетенное положеніе ея ²⁾. Притомъ привиллегій, изданный Владиславомъ Варнскимъ, имѣль цѣлью завлеченіе въ католичество и унію ³⁾, а другіе привиллегіи не имѣли полнаго значенія въ жизни.

¹⁾ Бершадскій, Литовскіе евреи, Спб. 1883, 250.

²⁾ Таково подтвержденіе луцкаго привиллегія, сдѣланное около 1427 г. Ягайломъ. Skarbiec II, № 1429.

³⁾ П. с. р. л. II, 354.

Такимъ образомъ, правительственныя распоряженія въ защиту русской народности, при отсутствіи единства въ правительственной политикѣ, не достигали цѣли. Вслѣдствіе того въ русскомъ населеніи не прекращалось постоянное недовольство и нерасположеніе къ правительству.

Посмотримъ теперь, что предпринимала русская народность въ свою защиту отъ угѣсненій въ литовско-русскомъ государствѣ съ половины XV-го в.

Густинская лѣтопись полагаетъ со времени поражений, испытанныхъ Свидригайлomъ, начало ослабленія русскихъ князей въ литовско-русскомъ государствѣ: „и оттолѣ Русскіе князи начаша оскудѣвати и обнищевати“. При Казимирѣ не переставала однако тлѣть и зрѣть русская реакція. Однимъ изъ проявленій ея было возстаніе въ Смоленскѣ. Русская партія пыталась найти опору въ обрусѣвшихъ представителяхъ правившаго дома и постоянно стремилась къ избранію въ великіе князья таковаго лица, которое могло бы защищать ея интересы. При Казимирѣ противники уніи съ Польшей благопріятствовали Симеону, сына Михаила Олельковича, и прочили его на литовскій престолъ, желая смѣстить Казимира. За Симеона были голоса при избраніи великаго князя послѣ смерти Казимира. Вообще послѣ паденія Свидригайла русскіе постоянно держались Олельковичей, которые были дороги русской народности своимъ постояннымъ сочувствіемъ русскому дѣлу. Какъ скоро становился свободнымъ велико-княжескій престолъ, русскіе постоянно подавали голосъ за Олельковичей. Олельковичи были православные и смотрѣли на Кіевъ, какъ на свою отчину. Они были поборниками интересовъ православія, и митроп. Іона писалъ къ Александру Владимировичу (Олельку): „отъ многихъ про тебе про великаго чловѣка слышу, якоже еси предней православный христіанинъ и церкви Божьей сынъ, и поборатель по Божьей церкви и по законѣ...“¹⁾ Олельковичи не забывали, далѣе, своего происхожденія отъ старшаго сына Ольгердова Владимира, и Михаилъ Олельковичъ былъ такъ записанъ въ посланіи къ Сиксту IV: „Великославное княжа, ясно врожденный Михаилъ, братъ по плоти пресвѣтлаго Короля польскаго князя Казимира литовскаго и рускаго пана“²⁾.—Потому-то родъ Олелько-

¹⁾ Русск. историч. библ. VI, 562.

²⁾ „Соб. посл. р. духов. и мірянъ къ Сиксту IV“, изд. Петрушевичемъ, стр. 27; изд. Голубева, стр. 199.

вичей постоянно внушалъ опасеніе великимъ князьямъ литовскимъ. Владимиръ Ольгердовичъ былъ смѣщенъ Витовтомъ. Сигизмундъ Кей-стутовичъ, поразивъ Свидригайла, держалъ въ заключеніи Александра (Олелька) съ сыновьями, какъ претендента на великокняжескій престолъ. Казимиръ не далъ Кіева Михаилу Олельковичу, при чемъ Кіевляне оказали вооруженное сопротивленіе посланному Казимиромъ намѣстнику, какъ нѣкогда защищали Владимира Ольгердовича противъ Витовта.—Родъ Олельковичей былъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, и не лишено значенія то обстоятельство, что именно этотъ родъ, сидѣвшій такъ долго въ Кіевѣ, отстаивалъ интересы русской народности. Въ теченіе многихъ лѣтъ судьбы Кіева были неразрывны съ судьбою рода Владимира Ольгердовича. Кіевъ началъ подниматься во второй половинѣ XIV в. со времени правленія этого князя и когда въ старомъ церковномъ центрѣ вновь начали подолгу проживать митрополиты. Со времени Витовта Кіевъ видимо становится средоточіемъ надеждъ русской народности великаго княжества литовскаго. По смерти Скиргайла, Кіевъ получилъ князя въ лицѣ князя Гольшанскаго. Значеніе матери городовъ русскихъ поднялось еще болѣе съ возстановленіемъ Кіевской митрополіи. При этомъ возстановленіи имѣли въ виду, между прочимъ, старинное значеніе Кіева. На то указываютъ слова грамоты о назначеніи митрополита, „шtbody сидѣлъ на столѣ Кіевскоѣ митрополѣи по старинѣ, строилъ бы церковь по давному, яко намъ: занежъ Божьимъ изволѣньимъ мы мѣсто то обладаемъ, Кіевъ“. Но Кіевъ началъ казаться опаснымъ в. князю литовскому и съ 1471 г. въ Кіевъ начали назначать, вмѣсто князей и намѣстниковъ, воеводъ, а 10 лѣтъ спустя, въ 1481 г., былъ казненъ Михаилъ Олельковичъ ¹⁾). Послѣ того линія Олельковичей перестала стоять во главѣ русской оппозиціи ²⁾), и мѣсто представителей этого рода заняли другія лица. При Казимирѣ кандидатомъ русской партіи на литовско-русскій велико-княжескій престолъ былъ князь Бѣльскій. Въ періодъ междуцарствія послѣ смерти Александра, поляки боялись, какъ бы русскіе не избрали въ великіе князья Глинскаго. Какъ из-

¹⁾ Говоря объ обезглавленіи его и князя Ивана Юрьевича, лѣтописецъ замѣчаетъ: „вина ихъ Богу единому свѣдущу“. Супрасльская рук., 138.

²⁾ Объ Олельковичахъ было читано И. И. Малышевскимъ сообщеніе въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца. См. Чтенія въ ист. общ. Нест. лѣт. I, 276.

вѣстно, Глинскій задумалъ—было положительное отдѣленіе западно-русскихъ земель отъ Литвы и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго государства. Менгли-Гирей обѣщаль посадить Глинскаго въ Кіевѣ, а Василій Ивановичъ обязался не лишать Глинскаго владѣній, которія тотъ отвоевалъ бы отъ Литвы, и не вступаться въ эти владѣнія ¹⁾). По словамъ Стрыйковскаго, Глинскій имѣлъ въ виду возстановленіе древняго кіевскаго княжества. Интересно, что по дѣлу Глинскаго былъ заключенъ въ оковы кіево-печерскій архимандритъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ. Какъ бы то ни было, Приднѣпровье набиралось все болѣе и болѣе силы и значенія. Незадолго до Люблинской уніи князь Дмитрій Вишневецкій, перешедшій было на время въ Москву, предлагалъ Грозному покорить ему Украйну. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. польскіе послы требовали присоединенія Кіева къ Польшѣ, между прочимъ, потому, что „Москвитянинъ прилагаетъ усиленное стараніе занять Кіевъ, бывшую вѣкогда митрополию Руси; если-бы Кіевъ остался во власти литовцевъ, то не могъ бы быть защищенъ. Рѣчи Посполитой потому еще подобаеъ отнять Кіевъ у литовцевъ, что если онъ останется у нихъ, то имъ потомъ легко будетъ выступать противъ насъ“ ²⁾). Сенаторы, противившіеся присоединенію Кіева къ Рѣчи Посполитой, указывали на хлопоты, какія могла причинить необходимость защищать тотъ край, но не предвидѣли главной опасности—сопротивленія мѣстнаго населенія. Эта опасность могла быть замѣчена только потомъ, при непосредственномъ столкновеніи польскаго гнета съ любовью украинскаго люда къ свободѣ и съ непреклонною рѣшимостью отстаивать свои человѣческія права.

Въ литовско-русскомъ государствѣ масса народа еще не была такъ угнетена, какъ въ позднѣйшее время послѣ совершеннаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, и не сознавала еще ясно, къ чему должна была привести правительственная политика впоследствии. Не

---

¹⁾ О Глинскомъ см. диссертацию Варники: „De ducis Michaelis Glinscii contra Sigismundum regem Poloniae et M. Ducem Lithuaniae rebellione. Berolini“ 1868.

²⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г., Спб. 1869, стр 401.—О значеніи Кіева въ литовскій періодъ см. въ „Кіевской Старинѣ“ 1882, № 1 ст. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.“.

удивительно потому, что въ оппозиціи литовско-польскимъ государямъ до Люблинской уніи передовое мѣсто принадлежало не низшимъ, но высшимъ классамъ народа. Во главѣ національнаго русскаго движенія стояла руководившая партія литовско-русскихъ князей и магнатовъ. На нихъ прежде всего падаетъ отвѣтственность за печальную судьбу западно-русской народности и за неумѣнье оградить ее отъ подавленія Польшей на два съ лишнимъ вѣка. Вся бѣда была въ неумѣньи ихъ сплотить все западно-русское населеніе въ общей борьбѣ и въ нежеланіи отрѣшиться отъ магнатскаго высокомерія. Вслѣдствіе того не могъ помочь имъ и внѣшній союзникъ, котораго они искали на востокѣ, поддаваясь вѣрному чутю.

Такою внѣшнею опорой для русской народности въ Литвѣ явилась съ XV в. Москва, князья которой уже въ половинѣ XIV в. провозгласили себя князьями всея Руси. Великіе князья литовскіе опасались титула „государя всея Руси“, принятаго Иваномъ III, и въ концѣ XV в. изъ-за того у нихъ возникли было пререканія съ Московскимъ княземъ ¹⁾. Но московскіе князья стойко держались провозглашенной ими великой цѣли собиранія русской земли. Въ этомъ девизѣ заключалась ихъ сила, дѣйствовавшая и за предѣлами ихъ государства. Представители русской народности, объединенной въ литовско-русскомъ государствѣ, помимо попытокъ отстоять себя внутри этого государства, старались по временамъ найти поддержку въ восточной Руси. Это обстоятельство подняло надежды Москвы и доставляло ей постепенно перевѣсъ въ вѣковой борьбѣ съ Литвой.

Мы видѣли, что столкновение Литвы съ Москвой началось уже при Иванѣ Даниловичѣ. Въ XIV стол. единодержавіе зарождалось одновременно на востокѣ Руси и на западѣ. Промежуточныя земли между Литвою и Москвою должны были примкнуть къ той или къ другой, и со временъ Гедемина замѣчается колебаніе этихъ земель. Владѣтели мелкихъ княжествъ, лежавшихъ на пограничьи Москвы и

---

¹⁾ См. въ XXXV-мъ т. „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (Спб. 1882) „Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ польско-литовскимъ“, изд. Г. Карповымъ. При Грозномъ происходилъ споръ изъ-за царскаго титула. Сборникъ кн. Оболенскаго, № 5, М. 1838, стр. 13, 15, 17.

Литвы, начали перебѣгать отъ одной къ другой. Литва принимала враговъ московскаго единоподержавія и, наоборотъ, нѣкоторые бѣжали изъ Литвы въ Москву, ссылаясь на старое право отъѣзда, при чемъ митрополитъ разрѣшалъ отъ крестнаго цѣлованія ¹⁾. Поводъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ подавали также сѣверо-западныя русскія земли. Послѣ періода, когда Литва брала съ новгородцевъ искупъ ²⁾, начались мирныя и дружескія сношенія ея съ Новгородомъ. При Гедеминѣ Литва стала оказывать вліяніе на Псковъ и Новгородъ. Ольгердъ, котораго патриаршая грамота называетъ „княземъ огнепоклонникомъ, всегда готовымъ сдѣлать опустошительное нападеніе на всякую чуждую страну и покорить себѣ всякій городъ ³⁾“, дѣятельно вмѣшивался въ дѣла великой Руси и пытался поддержать Тверь ⁴⁾. Послѣ смерти Ольгерда столкновеніе на время утихло. Литва была отвлечена западными отношеніями и внутренними смутами, а Москву останавливала татарская гроза, а затѣмъ постигли невзгоды при Василии Темномъ ведѣдствіе того, что московскіе князья не сразу пришли къ идеѣ безудѣльности и, создавая единоподержавіе, ставили съ другой стороны препятствія ему, отказывая въ завѣщаніяхъ удѣлы всѣмъ сыновьямъ. При Ягайлѣ даже отдаленная Рязань вошла въ отношенія съ Польшей. Новгородъ колебался между Москвою и Литвой. Въ немъ явились партіи московская и литовская, а въ 1389 г. князь его Симеонъ (ин. Люгвеній) обязался пребывать вмѣстѣ съ новгородцами въ вѣрности королю польскому. Обще-русское значеніе и вліяніе литовско-русскаго государства достигло апогея при Витовтѣ. Окончательное взятіе Витовтомъ въ 1404 г. Смоленска, которому не захотѣлъ помочь московскій князь ⁵⁾, завершило, можно сказать, территоріальное развитіе великаго княжества литовскаго на русской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще продолжалась власть Литвы къ востоку отъ Смоленска: присягнули на

¹⁾ См. Ольгердову грамоту 1371 г. къ патриарху Филовею съ жалобами на митроп. Алексія. Р. историч. библ. VI, Прилож., 135—140.

²⁾ Въ духовной грамотѣ Новгородца Климента, написанной до 1270 г., читаемъ: „платилъ за мене Данило и Воинъ. искупъ. Литовьскыи“. Срезневскій, Свѣд. и зам., XI, 38.

³⁾ Р. истор. библ., VI, Прилож., 167—168.

⁴⁾ См. въ кн. Борзаковскаго „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 134 и сл.

⁵⁾ Супрасльская рук., 136.

вѣрность и повиновались Витовту князя Брянскіе, Новосельскіе, Одоевскіе, Воротынскіе. Витовтъ безъ кровопролитія держалъ ихъ въ своей власти. Тверь вновь заключила союзъ съ Литвою, и князь ея Борисъ Александровичъ назвалъ Витовта въ документѣ перемирія „многихъ русскихъ земель государемъ“. Литва простиралась теперь отъ западнаго Буга до Оки и отъ Пскова до Молдавіи и Чернаго моря. Троскратная встрѣча полковъ Витовта съ московскими не ознаменовалась рѣшительнымъ боемъ. Перевѣсъ видимо былъ на сторонѣ Литвы. Восточная граница ея отстояла почти на день ѣзды отъ Москвы. Малолѣтній князь Московскій, внукъ Витовта, состоялъ подъ его покровительствомъ. Ко дню, на который было назначено коронованіе Витовта, явились князя Московскій, Тверской и Рязанскій. Быть можетъ, желаніе королевской короны находилось въ связи съ помыслами Витовта о верховномъ владѣствѣ надъ всею Русью, въ томъ числѣ и надъ Москвою ¹⁾.

Несмотря на все это, уже при Витовтѣ въ Литвѣ замѣчалось тяготѣніе къ восточной Руси ²⁾. Когда же въ Литвѣ началось стѣсненіе правъ русской народности, а Московскіе князья усилились и начали непрерывно стремиться къ расширенію своего государства со времени Ивана III, Москва стала опасной противницей Литвы: русскіе люди литовскихъ земель начали нерѣдко обращать свои взоры къ Москвѣ ³⁾.

Оленько былъ женатъ на „Московкѣ“ (дочери Василя Дмитріевича). Въ пользу Москвы былъ составленъ заговоръ при Казимирѣ Ягайловичѣ. Москва постепенно торжествовала надъ Литвою, а это заставляло великихъ князей литовскихъ еще тѣснѣе сближаться съ Польшей и еще ревностнѣе готовить осуществленіе уніи, провозглашенной въ концѣ XIV в. Въ сущности то былъ ложный шагъ со стороны верховнаго литовскаго правительства, но оно не замѣчало своей ошибки. Паденіе Новгорода значительно подорвало авторитетъ литовско-русскихъ государей, и не лишено правды замѣчаніе объ этомъ

¹⁾ Лѣт. вел. кн. лит., изд. А. Н. Поповымъ, стр. 42; ср. стр. 47, гдѣ Витовтъ названъ держателемъ всей русской земли.

²⁾ Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 999.

³⁾ О борьбѣ Москвы съ Литвою см. въ монографіи г. Карлова: „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ“, М. 1867.

событіи позднѣйшаго историка Литвы Кояловича: *hic primus gradus fuit defluentis Lithuaniae ab alto, quo eam Vitoldus evexerat*. Вообще литовцы должны были признать, что въ правленіе Ивана III началось паденіе внѣшняго могущества Литвы ¹⁾. Иванъ III не ограничился Новгородомъ. Онъ добивался Смоленска и Кіева. Ограбивши Кіевъ въ 1482 г., Менгли Гирей отослалъ Московскому князю золотые потиръ и дискось Софійскаго собора. Съ другой стороны, тотъ-же Менгли-Гирей далъ ярлыкъ Казимиру на русскія земли, и великій князь Литовскій потребовалъ отъ Москвы Новгорода и Великихъ Лукъ. Казимиръ не рѣшался однако начать войну съ Москвою. Онъ ясно признавалъ причину слабости Литвы; это видно изъ приведеннаго Длугошемъ увѣщанія Казимира, указывавшаго на сочувствіе Москвѣ въ русскихъ областяхъ Литвы и убѣждавшаго литвиновъ воздержаться отъ столкновенія съ Москвою, которой стали бы помогать и русскіе, подвластные Литвѣ. Такъ уже во второй половинѣ XV в. начиналось столкновеніе Литвы съ Москвою изъ-за западной и южной Руси, продолжавшееся съ промежутками два вѣка и принявшее весьма значительные размѣры съ той поры, какъ литовско-русское государство было вполне присоединено къ Польшѣ, унаслѣдовавшей вѣковыя тяжбы Литвы.

Въ 1493 г. Москва заняла Вязьму, „а прежде того отступивша отъ великаго княженства Литовскаго къ Москвѣ и своими городами князи Воротынскій, и Одоевскій, Белѣвскій, Перемысльскій, Мезоцкій“ ²⁾. Въ борьбѣ съ Литвой при Александрѣ Москва прямо выставила религіозное знамя: война съ Александромъ была выдвигаема Москвою, какъ слѣдствіе гоненія на православныхъ въ Литвѣ. Глинскій указывалъ угорскому королю Владиславу Казимировичу на бунтъ нѣкоторыхъ князей, какъ на возстаніе противъ католичества. Василій III заявилъ великому князю литовскому, что „вся русская земля“ — его наслѣдіе и что онъ желаетъ добыть Кіевъ, Смоленскъ и др. Южно-русскій лѣтописецъ по поводу такихъ притязаній отмѣчаетъ

---

¹⁾ Михалонъ Литвинъ замѣчаетъ объ Иванѣ III: „Онъ отнялъ также и присоединилъ къ своему наслѣдству у Казимира, короля польскаго и князя литовскаго, сражавшагося въ Пруссіи противъ крестоносцевъ за свои предѣлы, литовскія провинціи Новгородъ, Псковъ, Сѣверскъ и другія, когда народъ нашъ предался роскоши“.

²⁾ Супрасльская рукопись, 140.

въ московскомъ князѣ „ненасытную оутробу лихонѣнія“¹⁾. Тоже свое обще-русское призваніе Московскіе князья выдвигали и въ восточно-русскихъ зѣмляхъ. Послѣ бѣгства изъ Москвы Рязанскаго князя Ивана Ивановича въ 1521 г., епископъ Рязанскій и Хабаръ говорили Рязанцамъ: „Государемъ вамъ князя Ивана не назвати, а Государь вамъ князь Великій Василій Ивановичъ *всѣа Руси*“²⁾. Рязанскій князь рассчитывалъ, въ случаѣ неудачи сношеній съ татарами, опереться на Литву³⁾, но напрасны были его надежды.

Со второй четверти XVI в. борьба Литвы и Москвы на время затихла. Послѣдніе Ягеллоны относились менѣе подозрительно къ русской народности, а предводители послѣдней въ Литвѣ начали глядѣть съ опасеніемъ на Москву. Литовско-русскихъ князей и магнатовъ удерживалъ отъ окончательнаго перехода на сторону Москвы, по словамъ Деція, деспотизмъ московскихъ государей и то, что въ московскомъ государствѣ всякій былъ богатъ лишь тогда и настолько, когда и насколько то было угодно московскому государю. Въ особенности отталкивали литовско-русское дворянство отъ Москвы жестокія мѣры Ивана IV, о которыхъ обращались письменные рассказы въ Польшѣ и Литвѣ.

Подъ вліяніемъ тяготѣнія предводителей русской народности въ Литвѣ къ восточной Руси природные литвины становились тѣмъ непріязненнѣе. Они не хотѣли примкнуть къ Москвѣ и желали остаться подъ властью князей своего дома. Этимъ поддерживалось распаденіе литовско-русскаго государства на два стана, а разьединеніе ослабляло государство въ отношеніи къ притязаніямъ Польши.

Анти-русская партія въ Литвѣ рассчитывала усилиться противъ Москвы поддержаніемъ католичества. Великіе князья литовскіе, бывшіе вмѣстѣ и польскими королями, считали сосѣднее единоплеменное и единовѣрное московское государство опаснымъ врагомъ и надѣялись

¹⁾ Тамъ-же, 149.

²⁾ Сборникъ князя Оболенскаго, № 2, М. 1838, стр. 6.

³⁾ „А нѣчто не станетьца его ссылка со Царемъ, и какъ приведуть къ нему конъ свѣжїе со Резани, да и Дѣтей Боярскихъ съ собою прибавить, а почуетъ Литву на Великаго князя, и ему было тогда бѣжать къ Литовскому“. Сборн. вн. Обол., 9—10.

удержать за собою литовско-русское государство посредствомъ окатоличенія его и скрѣпленія союза съ Польшей. Впослѣдствіи польское правительство прибѣгло къ тѣмъ же мѣрамъ въ отношеніи къ западно-русской народности, присоединенной къ Польшѣ на основаніи Люблинской уніи, а теперь той же политики придерживается австрійское правительство въ Галичинѣ, желая подавить въ ней русскую народность.

Во второй половинѣ XVI в. близилось прекращеніе династіи Ягеллоновъ вслѣдствіе бездѣтности ея послѣдняго представителя, и въ то же время были предъявлены притязанія на наслѣдіе Ягеллоновъ Грознымъ царемъ, поддерживавшимъ свои требованія наступательнымъ движеніемъ на литовско-русскія земли. Теперь должно было окончиться колебаніе, въ которомъ почти два вѣка пребывала Литва; предстояло рѣшеніе вѣковаго вопроса о томъ, куда должны были применены литовско-русскія земли, къ русскому сѣверо-востоку, или къ Польшѣ, которая уже захватила часть юго западной Руси и угнетала ея народъ.